

10 listopadu 1930. **Volné Kozáctvo** ročník III.

68

10-го ноября 1930 г. 10-го листоп. 1930 р.

ПРАГА PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 3-ий РІК ВИДАННЯ 3-ій

Ю. Пинтов

СОДЕРЖАНИЕ.

1. *В. Карпушкин:* Ночью (V noci).
2. *В. М. Резников*: Осень (Podzim).
3. *В. Седов:* На побывку (Na dovolenou).
4. *П. Апостолов*: В ночной тиши (V tichu noci).
5. *Микола Оверкович*: На бойовищу (Na bojišti).

6. К вопросу о дне общеказачьего праздника (K otázce dne všekozáckého svátku).
7. Угрозы и ожидания современности. (Výhrůžky a očekávání přítomnosti).
8. *А. Ленивов:* Исторические места на Дону (Historická místa na Donu).
9. *П. И. Кокунько:* Наше прошлое (Naše minulé).
10. *Н. Нечуй-Левицкий:* Размышление по случаю 13-й годовщины красного октября (Některé úvahy na 13-té výročí rudého října).
11. Думы и мысли (Dumy a mysli).
12. Казачье колонизационное дело (Kozácká kolonisace).
13. Казачья эмиграция (Kozácká emigrace).
14. В Казакии (V Kozakii).

Почтовый ящик.

Румыния. — В. Е. — Получено. Привет.

Сев. Америка. — А. А. — Получено. Привет.

Франция. — И. С. — Получено. Привет.

Югославия. — А. Ч. — Получено. Привет.

Югославия. — Ф. Б. — Г-н К. ничего нам не пересылал.

Швейцария. — П. З. — Получено. Привет.

Чили. — Инж. Ш. — Посылается. Привет.

Сев. Америка. — Н. К. — Получено. Спасибо.

Югославия. — П. А. — Просьба будет исполнена. Привет.

Польша. — С. Т. — Получено. Спасибо.

Франция — Н. Р. — Просьбу исполняем.

Югославия. — Г. А. — Получено. Привет.

Румыния. — С. М. — Получено. Подойдет. Привет.

Коломия. — З. — Добре.

Турция. — З. — Дякуємо.

Болгария. — Г. Г. — Что г. Мельн. был в свое время председателем исполкома это мы знаем. Не стоит уже этим делом заниматься. Нашего ответа в 65 номере хватит. Привет.

Франция. — М. М. — Комплект журнала за прошлые годы можем выслать только за наличные. Вообще же бесплатную рассылку журнала с Нового года если не прекратим, то ограничим до минимума — в особо уважительных случаях. Мы думаем, что подпиской, которая, кстати сказать, весьма низка, казаки поддержат свой журнал.

Польша. — Н. Ш. — Відповідь буде. Вітаємо.

Франция. — И. К. — Добре. Чекайте листа. Вітаемо.

Стокгольм. — А. Т. — Посылается. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**

В БРАТИСЛАВЕ: **А. Л. Персидсков.**

В БОЛГАРИИ:

Т. Л. Ляхов. София, ул. Хаджи-Димитров, 3.
Н. В. Аниканов. Княжево-Софийско, б. Ц. Борис, 85.
Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

В ЮГОСЛАВИИ:

F. G. Polkovnikov. Zagreb, Kuniščak, „Ruski dom“.
А. А. Гейман. Зајечар.
Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).
А. Чекин. Крагуевац.
П. Апостолов. Скопље.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицький. S. Savytzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

ВО ФРАНЦИИ:

M-r Ivanoff, cantine russe, „C. G. c. B.“ Paray le Monial (Saone et Loire).

Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour, Malakoff (Seine).

Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko, 14, chemin des deux amants, Lyon-Vaise.

С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.

И. И. Абушинов. M-r Abouchinoff, Cite Naval, 28 Couëron (Loire Inf.)

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. W. P. Ing. B. Fesenko, ul. Twarda, 29, m. 7. Warszawa.

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, kolonja Urzednicza dom Lojewskiego.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

П. С. Ковган. Харбин. Биржевая, 32. (P. Kovgan. Harbin. Birjeva, 32).

Казачья — Наша цель

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧЕСТВО

ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Наш девиз — Казачья воля

VOLNÉ KOZACTVO — LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychazí 10 a 25 každého měsice).

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Fochová, 130. Tchécoslovaquie.

№ 68 понедельник, 10 ноября, 1930 — понеділок, 10 листопада, 1930. № 68

В. Карпушкин. (*Брно*).

НОЧЬЮ.

Звездной ночью по небу мой взор пробегал
И куда-то все мысли неслись,
И опять я в ночной тишине вспоминал,
И виденья красивой гирляндой плелись...
Из-за гор светлый месяц поплыл
— Чужой скорби свидетель немой —
Ярким светом, с улыбкой, покрыл
Он весь сад, как густой пеленой...
И все вдруг изменилось в мгновенье...
Край родимый стоит предо мной,
Словно мне неизвестный волшебник
Перенес его мощной рукой.
В эту ночь я увидел так близко опять,
Как по Тереку ряд виноградных садов,
Закрывая от глаз серебристую гладь,
Манят черными кистями зрелых плодов.
А в туманной дали — позолота крестов
Златоглавых станичных церквей;
Колокольный чуть слышный торжественный звон
Мне напомнил опять о станице моей...
В эту ночь я ей песни свои посвящал,
В эту ночь грудь дышала вольней;
И в ночной тишине я о ней вспоминал
— О казачьей родимой станице моей.

В. М. Резников. (*Болгария*).

ОСЕНЬ.

Осень приходит, печалью одета,
С желтым, слезливым, испитым лицом.
Плачутся ветры, как сироты дети;
Скрылося солнце за черным свинцом.
Осень приходит, угрюмо шагая;
Носятся тучи в холодной тоске...
Бедна, больна, — как старость чужая, —
Всюду все сохнет в костлявой руке...
Звезды и месяц, по небу блуждая,
Гонят, как стражи, юность — мечту.
Холодом веет картина простая,
Давит и родит души пустоту.
Песни умолкли и радость уснула;
Птицы покинули гнезда свои;
Голые степи смотрят понуро;
Кружатся листьев больные рои...
— Холод бессильно хмурится, злится...
Юности снятся светлые сны.
Поздно, царица, нарядом кичиться —
Старости дряхлой причуды смешны...
— Солнце в плену у тоскующих туч;
Цепи тумана непрочно висят;
Ласку приносит живительный луч,
Радость и счастье воскреснут опять...

В. Седов. (*Франция*).

На побывку.

В половине августа, в большом степном хуторе, утопающем в вербовых рощах и садах, шла молотьба. Погода стояла сухая. Все спешили поскорее обмолотить хлеб. „Хоть бы пшеницу обмолотить засухо“ — говорили казаки.

С раннего утра до поздней ночи, а часто и всю ночь, хутор, как огромный муравейник, копошился на гумнах. Стучали каменные катки на токах, скрипели арбы на дороге, шумели веялки, выростали стройные, высокие скирды соломы. Над хутором все время стояло нерасходящееся облако бурой пыли от возов. Носилась в воздухе пыльная полова, пахло молоченным хлебом, илом соседнего пруда, созревающими яблоками и грушами.

Всюду слышался человеческий гам. Запыленные, загоревшие от летнего солнца люди спешно делали свои дела. Все были заняты. Слышались часто сердитые окрики старших на молодежь, или смех молодежи, перекликавшейся порой между собой. Казачки, закутанные платками по самые глаза, чтобы не загореть, ловко справлялись с каким угодно делом не хуже любого мужчины.

В семье Степана Васильевича Рубцова ожидали служивого на побывку из Атаманского полка. Он писал, что приедет под Успение с вечерним поездом. К встрече его все было приготовлено еще за неделю. Горница была вымыта и убрана и туда никого не пускали, чтобы не грязнить пола. Там же, под столом,

стояли три четвертных бутыли водки, запасенные еще раньше из станичной монополъки. Все ждали с нетерпением этого радостного дня.

Утром 14 августа все семейство сидело за столом в саду под высокой грушей, опустившей свои ветви под тяжестью плодов, и завтракало. Сам глава семейства Степан Васильевич, высокий плечистый казак с черной, уже начинавшей седеть, гривою волос, сидел в конце стола и с хрустом резал арбуз за арбузом и, грызнув срезанную шляпку, определял качество арбуза. Плохие он откладывал в сторону, приговаривая: „Эти — свиньям". На длинной скамье, по одну сторону сидела, высокая, с остатками былой красоты женщина — жена Степана Васильевича, Дарья Яковлевна, а рядом с ней высокий, стройный, с черными вьющимися волосами, с такими же глазами красавец Мишатка, 17 лет, их сын. Напротив них, на самодельной табуретке, в белом чистом платке сидела совсем еще молоденькая, похожая скорее на девушку, чем на женщину, беленькая, румяная, небольшого роста, с голубыми задумчивыми глазами их сноха — Анюта. Тут же, около стола, с ломтем арбуза в одной руке, с палкой в другой, босяком, в рубашенке заклеенной на груди арбузным соком и пылью, и гремевшей, как жесть, вертелся трехлетний сынишка ожидаемого служивого и Анюты — Андрюша.

Завтрак шел к концу: с трудом доедали вкусную дыню. Анюта убирала в корыто корки со стола, когда Дарья Яковлевна заговорила:

— Ну, а кто же, старик, у нас за Игнашей поедет?

Степан Васильевич отозвался не сразу. Он подумал, погладил рукой копну своих волос, глянул на ток, на котором стояла веялка, а впереди ее большой ворох еще не совсем очищенной пшеницы и, наконец, сказал:

— Да, вот видишь, оно бы по закону нам с тобой надо поехать, да вот дело-то, неуправка, нельзя же бросить зерно на току. Нонче ночь, да завтра день, а ну как Бог дождичка пошлет и перемокнет зерно? А тады поди сушись с ней. Я думаю, придется послать Мишатку. Запрегет буланого да и поедет с Богом. Не спеша доедет до станции, там у дяди Федора покормит, а вечерком, по холодку и прибудут. А мы тут пока начисто пшеницу перевеем, да в амбар всыпем, а она дела-то и по делу будет, а суд по форме — закончил он.

— И то правда старик! Нехай Мишатка поедет. Я ему положу свежей рыбки жаренной, там со служивым подзакусят. Да арбузика с собой положи! — обратилась она к Мишатке. — Жарко на дворе, пить захочешь.

— Арбузика положи, вот еще сказала... — иронически улыбаясь, ответил сияющий Миша, — буду ехать мимо бахчей и с собой возить арбузы?..

Миша чувствовал себя особенно счастливым в этот день. Во-первых он освобождался от пыльной и тяжелой работы — крутить веялку, а главное, ему было очень приятно, что он самостоятельно один встретит брата, первый ему пораскажет все о хозяйстве, хуторские новости, которых за эти два с половиной года накопилось очень много.

Мишутка спешил собраться, боясь как бы отец не передумал и не поехал сам или не послал бы мать. Он первым долгом поспешил выкатить из под навеса засиженный курами тарантас, обчистил его и начал проворно мазать оси мазью. Отец с матерью пошли на ток, а Анюта убирала со стола и думала о муже: Какой он теперь? должно быть переменился... До службы был смирный и ласковый, а теперь, кто его знает — подумала она. Вот Петро Жоголев тоже до службы был смирный, воды не замутит, а теперь вот, заклевал свою Машутку-то... Она то, правда, разделывала дела... весь хутор знал... Дюже уж открыто... Анюта проговорила это про себя и покраснела. Она тоже была грешна перед мужем. Только теперь стала она думать об этом и ей было совестно самой себя. „А, спаси Бог, узнает?.. Правда, она все делала аккуратно и никто про нее в хуторе ничего не говорил... Рази вот Мишатка видал? — задала она сама себе вопрос и задумалась, сощурив свои большие голубые глаза, как будто вспоминая что-то. „Ништо попросить его, чтобы ничего не говорил... а ну-ка он ничего не знает, нет лучше ничего не надо..."

Анюта тяжело вздохнула и, продолжая думать все о том же, взяла корыто с корками арбузов и понесла свиньям. „И откелича черти поднесли этого Гришу Мордовцева... полтора года прожила как монашка хорошая, все терпела... Привязался, как смола прилип, ласкал, улещал... долго крепилась.., нет, таки уговорил... не вытерпела... а таперича, как узнает, сраму будет на весь хутор. Нет, уж будя. Таперича не обманешь, — проговорила она шопотом, засыпая в свиное корыто арбузные корки — хорошо и то, што все обошлось благополучно, а то бы чаво тогда делать?.. Вон Дашка Кравцева, чиво она только не пила: и порох, и какие-то порошки делал ей фершал — ничево не помогло, так и родила..."

Аннушка обманывала самую себя, ругая Мордовцева, а в душе она искренне любила его и минуты, проведенные с ним, были для нее блаженством. „Нет, должно быть только говорю, што брошу... уж брошу — думала она — тогда, когда муж совсем со службы приедет. Рази его бросишь... он хорошенький, как на картинке, беленький, чистенький... не работает... учится в реалке. А какие он умеет говорить сладкие слова: „Ты моя ягодка, золото, прелесть, птичка", а как ласкает, целует?"

Вспоминая все это Анюта уже в сотый раз переживала эти счастливые минуты, а лицо ее покрывалось румянцем, губы блаженно улыбались. „Вот какого бы мужа, — подумала она и лицо ее мгновенно приняло серьезную мину: брови сдвинулись, в глазах засветился недобрый огонек — да, нужна ему такая жена, што и говорить, побалуется, побалуется да и в сторонку... знаем мы вас, — зло кивнула она головой, — мне: „милая, ненаглядная", а вчера с поповской дочкой под ручку таким франтом... и не угадывает. Да там-то должно не поджившешься, так он нас дур тольки и обманывает. Ну, погоди!.. нонче говорил выйтить проститься, завтра уезжает, так я тебе и вышла!.. подождешь, подождешь да и уйдешь ни с чем."

Она старалась быть сердитой, а какой-то внутренний голос шептал: „И не правда, пойдешь ты непременно". „И брешешь, дура, — выругала она себя, — все равно пойдешь и ничего-то ты ему не скажешь, а будешь слушать его ласковые слова, млеть и таять в его об'ятиях... И-и-и бесстыдница! — стыдила она себя — ночью муж приезжает, а она к другому собирается иттить..." „А што же, что муж, — оправдывала в то же время она себя, — тоже небось в Петербурге то не одну имеет. Там, говорят, этого добра — пруд пруди. Им, так это можно, они казаки, а вот баба, так и не моги, как будто мы и не живые"...

Эта мысль мелькнула в голове Анны на мгновение и как-то рассеялась. Все ее внимание было сосредоточено на Грише. „Завтря уезжает, — думала она с тоской и сердце болезненно щемило, до Рождества теперича не увижу его... затоскуюсь... зимою ночи длинные, длинные. Тоска-змея все сердце высосет... И зачем эта любовь на свете?.. Ему то чево... там найдет себе зазнобушку, а ты вот тут угадывай... Проклятая наша доля бабья..." К Анне в это время подбежал сынишка.

— У-у, чумазый! вымазался как поросенок, давай я тебя хучь умою трошки...

Анна взяла ребенка и поднесла его к колодцу, умыла наскоро и, обтерев ему лицо фартуком, пошла на ток, кутая лицо концом платка и раздумывая, как лучше уйти вечером в леваду, чтобы не заметили старые. Она больше всего боялась свекрови. „Эту трудно обмануть, сама была, рассказывают про нее, ухо от лохани, ни пешего, ни конного не пропускала, а за мной вот, за каждым шагом глядит".

Анна взялась сыпать ведром в сеялку пшеницу, свекор крутил, а свекровь отбрасывала чистое зерно. Анна, работая, все время думала о том, как ухитриться уйти, когда стемнеет. Долго ломала над этим голову, но план пришел как-то сам по себе. „Ага, так и сделаю — подумала она — выпущу телят с база, а они побегут в леваду. Я и пойду их загонять".

Анна была довольна своей выдумкой и вполголоса запела: „Цвели, цвели в поле цветочки, цвели они и призавяли. Отчего цветы призавяли или холодны зори стали".

— Ишь бабочка-то наша развеселела с радости, что муж идет, — проговорила свекровь, когда Степан Васильевич остановил веялку и начал делать курить.

— Да то чаво же? Два с половиной года, почитай, не виделась... известно соскучились, — ответил, как бы с неохотой, Степан Васильевич и в голове его воскресло уже давнее прошлое. Вспомнил он свою молодость, женитьбу, а потом службу. Яснее всего, с малейшими подробностями, напоминалось ему возвращение со службы. Из дому ему писали, что жена его от руки отбилась. Писали товарищи, что она ведет распутную жизнь. Пришел, побил раза два-три, а потом, все как-то перемололось и вот живут уже больше двадцати лет хорошо.

„Известно, дело молодое, — подумал он, — ничего не поделаешь". Он закурил, покосился на жену и в душе его шевельнулась досада на прошлое жены. Он против воли позавидовал своему сыну. „Счастливый Игнат, жена его вот прожила без него два с половиной года и ничего про нее не елыхать. Хорошая бабочка." Степан Васильевич сплюнул и взялся опять крутить веялку.

Миша ехал по ровному, скошенному полю. Было все чисто убрано. Еще не покошенное, склонившее свои зернистые головки, просо отливало золотом на ярком солнце. Бахчи с белыми арбузами, огороженные крупными тыквами по краям, спокойно дремали за этой стеной. Созревшие подсолнечники, тяжело склонив свои большие, полные семян, головы, понуро никли по краям бахчи. Стройные редкие ряды „татарского проса", отливая золотом, чуть-чуть шевелили своими зернистыми головками. Зеленый бурьян на межах плавно покачивался на своих крепких стеблях при слабом ветерке. Гордо стоял окошенный красноголовый татарник. Кругом — ширь, гладь и простор. Ровное, ровное поле. Ни холмика, ни балочки. Лишь изредка видны одинокие кудрявые дикие яблоньки, кухни, шалаши. На небе ни тучки, ни облачка. Ясное, голубое, ласковое, оно манит, тишиной и необ'ятностью. На душе покой и нега. Клонит ко сну. Миша как-то растаял, размяк. Он растянулся в просторном тарантасе, почти не понукает буланого — лень. В голову ползут самые разнообразные мысли и желания. „Вот мне уже семнадцатый год, а через год уже можно женить, но отец как-то сказал, что до службы жениться не будет, а мать настаивала, что нужно". Миша улыбнулся, лениво зевнул и крикнул на буланого. Лошадь пугливо оглянулась, взмахнула куцым от старости хвостом и побежала мелкой, тяжелой рысцой, поднимая бурую песчаную пыль.

„А если придется жениться — подумал Миша — то на ком?..." Ему давно нравится Саша Лукичева и он ей тоже. Он это заметил, потому, что она, когда встречается с ним, всегда краснеет и смущается, боится слово сказать. А у него в это время на душе так радостно, что словно встретил большой праздник. „Хорошая была бы жена, — подумал он. Ну, а вдруг отец до службы не захочет женить?.. тогда она выйдет замуж, не станет же она ждать четыре — пять лет." У Миши заныло как-то сердце. „Отца не переломишь, упрямый и строгий... да и до службы женись, а потом думай, как она жена-то там живет. Все они наши жармелки то без мужьев разделывают дела". У Миши уже явилось подозрение и к своей будущей неизвестной жене и какая-то неопределенная злоба, ревность.

Вот и бахча деда Фомича. Миша остановил лошадь, привязал вожжи за колесо и по узкой, заросшей травой, меже побежал к шалашу. Большая желтая собака встретила его громким лаем. Из шалаша вылез высокий, но уже несколько согнувшийся под бременем лет, старик без шапки, с густыми, подрезанными в кружок, седыми волосами и длинной белой бородой. Он сделал ладонью козырек и стал смотреть в сторону куда лаяла его собака и, увидев подходившего Мишу, крикнул на собаку: „Теп, подлая! Ишь расходилась!"

— Здорово живешь дедушка! весело проговорил Миша.

— Слава Богу, голубок! — отвечал старик, все еще вглядываясь в лицо пришедшего.

— Да это ты Мишатка — радостно проговорил он, — а я гляжу, гляжу и никак не угадаю. Старый стал. Глаза то вот от солнца плохо стали видать. Ты куда же это идешь али едешь?

— Да еду на станцию, дедушка! Игнаша на побывку едет. Нонче с вечерним поездом приедет, а я забег арбузика попросить; жара пить хочется! — громко кричал Миша, хотя дед Фомич на слух еще не был туг.

— Слава Богу, — отвечал дед, — как раз к праздничку годовому... радость то, я думаю, какая... Это, стало быть из Питенбурга, из Атаманскова?.. Небось теперь вычистился, молодчик стал. Ну, пойдем в шалаш, там и арбузов возьмешь, а то на бахче теперь теплые... я всегда рву рано утром и кладу в шалаше, холоденькие они скуснее. И дед тяжело зашагал к шалашу, опустив свою седую голову и о чем-то раздумывая.

— Будете ехать со станции, заезжайте со служивым-то, повидаемся, — заговорил опять дед, — соседи мы ведь, да ишо и сродни по матери-то... да и кто знает, придется ли увидеть его ишо када али нет, ведь восьмой десяток доживаю, пора уже костям на покой, из всех полчан, почитай, я ведь один тольки и остался.

— Ну, дедушка, ты ишо молодцом, долго будешь жить, — отвечал ему Миша, желая ободрить старика.

— На все, голубок ты мой, Божья воля, без его воли ни один волос с головы не спадет... но а все же старый человек, как старая лошадь — до дня, — убедительно проговорил дед и грузно опустился на самодельную из тонких прутьев кровать.

— Вот, бери арбузы, сколько хочешь, — указал он в угол шалаша, где под кучей высохшей травы бугрились крупные арбузы, — а я ишо вечером нарву сабе.

С видом знатока Миша начал выбирать арбузы, а дед, неподвижно уставившись в одну точку, погрузился в думы.

— Да, как будто все недавно было, — печально заговорил опять старик, как бы сам с собой, — а вот уже отец твой седой, Игнаша службу скоро сломает, а я ведь твоего покойного деда на два года старше... помню его, пришел к нам в батарею молодником, а я уже был старшим казаком... вот оно какие дела-то.

Старик, под тяжестью нахлынувших дум еще ниже опустил голову и опять задумался; одинокая жизнь в поле на бахче, да одинокая старость приучили его к думам в одиночестве. Что родилось в это время в его старой голове? Думал ли он о своей невозвратной юности, о всей долгой с радостями и может быть и горем прожитой жизни, скорбел ли душой перед приближающейся смертью, радовался ли молодости других или завидовал им, — Бог весть.

— Ну, прощай дедушка! Спаси тебя Христос, — проговорил Миша, выбрав два больших белых арбуза.

— Не за что, голубок! Кушай на здоровье, да не забудь, скажи Игнаши то, нехай забежит ко мне, а теперь поезжай с Господом.

(Окончание следует).

Петр Апостолов. (*Скопле*).

В НОЧНОЙ ТИШИ.

На берегу между камнями
Я слушал музыку волны, —
Небесный свод сверкал огнями
Залитой кровию страны.
Во мне кипели те же волны,
Рыдая в сумерках души, —
Тоской и мукой были полны
Мои мечты в ночной тиши.

О, если б мог из отдаленья
Свои мечты к Тебе стремить,
Чтоб слезы нашего моленья
С Тобой в одно страданье слить;
О, если б крылья волн бесстрастных
Могли меня к Тебе вернуть,
Чтоб в братской ласке душ казачьих
Нам вновь увидеть Вольный Путь...

Микола Оверкович. (*Прага*).

НА БОЙОВИЩУ.

Ще ніч сумна... Скінчився бій;
На трупи полягли прапори
В своїй скорботі самотній...
І похилились гори,

Обвився тужно в мряку діл;
Ридає хвиля десь з нудьгою...
На купах схолоднілих тіл
Вітрець цілує зброю...

— Коли ж темряву рознесе,
Нарешті, ясний промінь днини?
Хто владно зброю піднесе,
Хто стяги ці розвине?

І чиї сльози упадуть
На ці лани журливі?
І местники які прийдуть
Могутні і гнівливі?

Коли справдиться Божий суд
На зґраї переможців чорних?
Коли поляглі оживуть
В нових бойцях незборних?!.

— Ось, скоро, скоро ранок ясний;
Вже бліднуть зорі й небозвід;
Над степом плачуть роси рясно
Крівавиться відсвітом Схід.

Зітхає тихо степ; шепоче
Молитву тихо хтось в пітьмі...
Здалека відгуком пророчим
Гудить визвольний клич сурми.

А в день в блакитні високості
Замає знову гордий стяг —
І оживуть поляглих кості...
І встане слава на гробах...

І в шалі бойового грому
Прийдуть сюди нові борці —
Гнів буде в серці їх німому
І карний меч в тяжкій руці..

Тоді ні зойк, ні плач, ні стогін
Не вмолить неминучий суд:
Буде нестримний помсти розгін;
Буде лютою смерть Іуд...

Буде ще бій тут... кров і смерть,
Останній герць в кровавій тризні:
Тут дасть гостям наллятий вщерть
Останній келех местник грізний.

І вп'ється п'яно підлий кат
Вина червоного навіки...
Ще ніч... та тіні вже тремтять:
Вже скоро, скоро день великий...

К вопросу о дне общеказачьего праздника.

Необходимость устройства общеказачьего праздника, особенно в условиях существования в эмиграции, по нашему бесспорна. Для нас это ясно, ибо мы не сомневаемся, что сознание своей принадлежности к единому Казачьему Целому присуще каждому казаку, где бы он ни находился и к какому бы политическому лагерю ни принадлежал.

В поисках честным трудом заработанного куска хлеба и независимого существования казачья эмиграция рассыпалась буквально по всему миру. Нет, кажется, такого уголка в мире, где не было бы сейчас казака. Но где бы он ни был, — в городе или селе, в Сербии или во Франции, в Европе или в Азии, в Америке или в Африке, — он также стремится прежде всего к своему брату-казаку, своему соплеменнику, как и в боевой обстановке к одностаничнику или хуторянину. В бою казак бывал силен оттого, прежде всего, что был убежден в братской и товарищеской спайке и уверен, что в минуту смертельной опасности его не предадут и не бросят товарищи-соратники. К такой спайке он стремится и здесь, в эмиграции.

Чем иным, как не этим именно, можно об'яснить, что мысль организоваться в станицы и хутора, брошенная, кажется, б. Донским Атаманом Красновым, так дружно и повсеместно привилась среди казачества в эмиграции? Подметив это стремление у казака, г. Краснов во время предложил удачную форму его проявления, и мысль привилась повсеместно.

Также, примерно, обстоит теперь дело и с общеказачьим праздником. Стремление к тому, чтобы хотя бы однажды в году собраться всем казакам и не только в данном населенном пункте, но повсеместно, везде, где есть хоть небольшая группа казаков, в одну тесную семью, чтобы, вопреки всем политическим и социальным разногласиям в нашей среде, живо почувствовать свое племенное единство, ощутить, что все мы дети одной семьи, что сознание этого единства живо и не умирает в нас, — такое стремление среди казачьей эмиграции безусловно есть. Необходимо лишь вполне осознать его, выявить, направить его в такое русло и придать ему такую форму, которые были бы приемлемы для всех.

Необходимо вопрос поставить прежде всего так, как совершенно правильно поставлен он был одним из ораторов на пражской вечеринке 18 октября: какое событие или какое явление в жизни казачества должно быть положено в основу казачьего праздника?

Несомненно то, что было самым лучшим, самым дорогим и важным в лучшие и действительно славные времена самостоятельного существования Казачества. Этим лучшим и дорогим для нас всех всегда были наша Воля и наше Народоправство и их выразители и носители — суверенные Круг и Рада.

Царская Москва убила Волю и, по выражению донского историка Сватикова, „повергла в прах донское народоправство". Подчинив себе казачьи республики, русские цари поняли, что сила Казачества заключалась в его общественно-политической организованности, выразители и носители которой были Круг и Рада. Они направляли поэтому свои удары прежде всего по ним. И как только были парализованы эти организующие и руководящие центры, так сказать, мозг общественно-политической жизни Казачества, дальнейшее подчинение и политическое обезличение последнего пошло уже сравнительно легко.

„Главным средством, — по мнению историка С. Г. Сватикова, — для подчинения вольной колонии власти Петербурга явилось сперва воздействие на выборы Войскового Атамана", которое вскоре же привело сначала к утверждению, а затем и к назначению вместо выборного наказного атамана. Сначала вместо арестованного (в 1709 г.) Атамана Зерщикова, „по желанию Петра", проведенному с помощью „знатной и разумной старшины", Атаманом был избран Петр Рамазанов. Затем Петр также „выразил желание", чтобы Рамазанов „атаманил до смерти", без смены. Когда же Рамазанов умер и Круг избрал Атаманом кандидата народной или „войсковой" партии Максима Кумшацкого, царь Петр грамотою от 18 января 1718 г. утвердил ставленника старшинской партии Василия Фролова: „Указали мы, великий государь, на Дону у вас войсковым атаманом быть тебе, Василию Фролову, по выбору всего войска, ... впредь до нашего указу бесперемонно"... А уже в 1723 г., когда после смерти Фролова атаманом был избран герой Дона того времени Иван Краснощеков, Петр I его не утвердил и „в атаманах быть, впредь до нашего указу" повелел „из старшин Андрею Лопатину", другими словами — старшину Лопатина, вопреки воле Круга, назначил наказным атаманом.

Таким образом, с момента первого, казалось, незначительного ограничения воли Войскового Круга, когда (в 1709 г.) он удовлетворил царское „желание" и выбрал желательного для него кандидата в Атаманы, Дон быстро и со все возрастающей скоростью покатился вниз к тому положению, в котором оказался к 1917 г.

Мы не станем особенно распространяться в оценке этого положения, а приведем лишь несколько выдержек из приговора истории и рекомендуем нашим читателям внимательно вдуматься в то, что помещено нами на „страницах казачьей истории" в предыдущем номере „В. К.".

— Казачество, говорит Сватиков [1]), усиленно охранялось от всего, что могло изменить к лучшему его экономическое, а тем более правовое положение. От автономии края ни осталось ни малейшего следа, и даже чисто внешняя судьба войсковых грамот и „клейнодов" высоко характерна для уразумения, каково было их внутреннее значение в царствование Николая II. Во время путешествия своего по Дону военный министр Куропаткин нашел, что хранение войсковых регалий „небезопасно в пожарном отношении". Поэтому 6 сент. 1901 г. регалии и клейноды были перенесены на постоянное хранение в донской музей. От современников совершенно ускользнуло символическое значение этого перенесения регалий в музей. Историк донского права должен отметить, что этот акт имел свое внутреннее значение: грамоты утратили свой смысл, а клейноды стали в действительности музейной древностью... — Словом, Николай II решил, что вольное казачество окончательно сдано в музей.

— Нужно отдать справедливость авторам закона 1891 г. Они пытались связать некогда вольное казачество по рукам и ногам. Мало было для казачества тяжелой военной службы. Показалось необходимым уничтожить остатки станичного самоуправления, ввести худшую форму круговой поруки, подчинить казака и в станичном быту действию военной дисциплины. Служилое казачество стало военно-крепостным. [2])

— Казачеству остались лишь пресловутые „права и привилегии", которыми и до настоящего времени многие колят ему глаза. Однако, — наивно было бы думать, что казачьи права и привилегии появились в результате „милости", пожалования казакам чего то нового, каких то прав, коими они не обладали ранее. Наоборот, до присоединения к России дон-

[1]) С. Г. Сватиков, „Россия и Дон", стр. 437.
[2]) Там же, стр. 418.

скому казачеству принадлежали все права свободных граждан свободной республики. А после присоединения лишь часть этих прав была „признана“ за казачеством... Да и эти частично признанные и закрепленные права, которые для нас воплощаются в общем термине областной автономии, немедленно же начали подвергаться ограничениям, и в конце периода империи от всей системы „жалованных“ прав и привилегий ничего не осталось.[3])

Однако, Петербург слишком поторопился сдать в архив вольное Казачество. История судила иначе: в архиве оказалась сама Империя. Казачество же оценило революцию 1917 г., как реальную возможность для восстановления своей самостоятельности и самобытности.

С чего же начало Казачество свое возрождение? Уже апрельский (1917 г.) с'езд Донского Казачества „по пункту I-му единогласно признал необходимым восстановить седую старину — Войсковой Круг и выборного Войскового Атамана“...[4]) В том же апреле и то же сделали на Тереке и на Кубани, а весьма возможно и на Урале и в других казачьих Краях. А уже 18 июня 1917 г. первый Донской Войсковой Круг писал первую грамоту своему первому Войсковому Атаману, „избранному вольными голосами“: „По праву древней обыкновенности избрания Войсковых Атаманов, нарушенному волею царя Петра I в лето 1709-е и ныне восстановленному, избираем мы тебя нашим Войсковым Атаманом“... К концу же года все Казачьи Войска восстановили свое „право древней обыкновенности“: свободно избранные Войсковые Круги и Рада избрали своих Войсковых Атаманов. Не сговариваясь, казаки всех Войск действовали совершенно одинаково, по одному и тому же пути. Очевидно, что это — единственный и естественный путь Казачества к самосохранению и государственному возрождению.

Итак, очевидно, что полновластные Круг и Рада и свободно избираемые ими Атаманы есть начало всех вольностей Казачества, а восстановление „права древней обыкновенности“ — одно из самых важных событий в жизни современного Казачества.

Ни Донской Круг, ни Кубанская Рада в свое время не поставили и не решили этого вопроса для своих Краев. Это, очевидно, и дало повод Атаманам Дона и Кубани в эмиграции „возродить“ празднование в день 18 октября.

Но что такое день 18 октября, какое важное событие в жизни Казачества произошло в этот день, чем он отмечен в современной или прошлой жизни Казачества, чтобы его можно было считать днем войсковых, а тем более общеказачьего праздника? Ответ на эти вопросы дает русская газета „Возрождение“ в №1964 от 18 октября с. г.: „Кубанское Войско справляет свой праздник 18 октября (по ст. ст. 5 окт.). Число этого торжественного дня для кубанцев было установлено в честь последнего атамана всех казачьих войск, царевича Алексея...“

После такого „авторитетного“ раз'яснения и после того, как мы напомнили, какими благодеяниями осыпали цари Казачество, вопрос о праздновании 18 октября (5 окт. по ст. ст.) отпадает для Казачества совершенно.

Атаманам, на свою ответственность восстановившим празднование 18 октября, следовало хотя бы на одну минуту дать себе труд представить себя перед Кругом или Радой в 1917—20 гг. с предложением — день тезоименитства царского наследника превратить в войсковой праздник и — что из этого могло бы получиться. Для нас не подлежит сомнению, что на такое предложение Круг с таким же единодушием, с каким он восстановил „право древнего обыкновения“ Казачества, ответил бы: „Положи булаву и иди, откуда пришел, а нам ты не нужен“, как он отвечал в свое время неугодным Атаманам. А по существу вопроса, если бы он был поставлен перед ними, Донской Круг и Кубанская Рада, — для нас это также вне всякого сомнения, — приняли бы то же решение, которое напрашивается само: днем войскового праздника считать день возобновления свободной деятельности Круга после 194-летнего, а Рады 142-летнего перерыва. (В последний раз Донской Круг свободно избрал Атаманом Ивана Краснощекова в 1723 году, а Запорожская Рада — Петра Калнишевского в 1775 году). И если бы донской и кубанский Атаманы, посоветовавшись с представителями различных течений общественно-политической мысли донского и кубанского казачества, днем донского войскового праздника установили день открытия первого Круга 8 июня (26 мая по ст. ст.), а кубанского — день открытия первой Рады 12 октября (29 сентября по ст. ст.) едва ли кто возражал бы против этого, но большинство казаков несомненно благодарили бы их.

На будущее мы так и предлагаем: днем донского войскового праздника считать и праздновать 8 июня (26 мая), а кубанского 12 октября (29 сентября).

Что же касается дня Всеказачьего Праздника, то здесь дело обстоит несколько сложнее, так как возможно было бы несколько решений.

Первое решение: Всеказачьим Праздником считать день открытия первого Круга среди всех казачьих Войск.

Второе решение: Всеказачьим Праздником считать день, когда впервые была осуществлена попытка создания конфедерации Казачьих Земель, — открытие 18 января (5-го янв. по ст. ст.) 1920 г. первого в истории Казачества Верховного Круга Дона, Кубани и Терека.

Третье и четвертое решение: Рада Войска Запорожского Низового, преемником которого является Черноморское, а позже и Кубанское Войско, в течение года, по утверждению историка запорожских казаков Д. И. Эварницкого,

[3]) Там же, стр. 160.
[4]) „Донская Летопись“, стр. 16.

обязательно собиралась в дни 1 января, Пасхи и Покрова — 1 октября (по ст. ст.), когда и разрешались все основные вопросы жизни Запорожского Коша. Наиболее важной при этом была Рада 1 января, на которой переизбирались все власти Запорожья, начиная от Кошевого Атамана, кошевых Судьи и Писаря и кончая довбышем, и по жребию распределялись между куренями земли и рыбные угодья. К этому дню в Кош собиралось все запорожское казачество.

Рада 1 октября решала главным образом второстепенные вопросы хозяйственной жизни, и главное ее торжество заключалось в праздновании дня своего излюбленного и глубоко чтимого патрона - покровительницы, заступницы и защитницы товарищества Запорожского на земле и на водах, на вольном степу, в горячем бою и в „тяжкій неволі“ — Покрова Пресвятой Богородицы. В этот день также собиралось в Кош все запорожское казачество и празднично-торжественно проводило Раду.

Хотя имеющиеся у нас под руками источники и не дают точных указаний относительно дней, когда обязательно собирался Круг на Дону, а следовательно — и в других казачьих Войсках, находившихся под непосредственным и сильным моральным влиянием Дона, как основного гнезда, откуда разлетались славные орлята по многим рекам, тем не менее есть все основания думать, что 1 января и 1 октября Войсковой Круг и на Дону собирался ежегодно.

Независимо от этого, праздник Покрова Пресвятыя Богородицы и на Дону был наибольшим религиозным праздником. И донцы, а с ними и все другие казаки, связанные с Доном, считали Матерь Божию своею покровительницею. Кроме того, целый ряд исторических событий в прошлом связывался так или иначе у донцов с днем Покрова.

Таким образом, возможны еще два решения нашего вопроса: общеказачьим праздником считать день 1 января, либо 1 октября (по с. с.).

Один из этих четырех дней в году можно было бы выбрать как день Всеказачьего Праздника, день духовного единения Казачества, день его надежды на лучшее Будущее.

С нашей точки зрения выбор следует сделать между двумя днями. За Всеказачий Праздник считать и праздновать либо 14-е (1-е по ст. ст.) октября — день Покрова Пресвятыя Богородицы, либо 18-е (5-е ст. ст.) января — день открытия первого в истории Казачества Верховного Круга трех Войск — Донского, Кубанского и Терского.

Первый день имеет свои основания к тому в старой истории Казачества. Когда то этот день — день Покрова — действительно был праздником, который праздновало все Казачество. Второй день — 18 (5) января — имеет свое начало в современности. День этот еще не праздновался, но — это день, историческое значение, исторический прецедент которого для будущего Казачества весьма важен. По существу, то было начало собирания Земли Казачьей в Казакию.

Возможно, что кто нибудь из казаков предложил бы еще какое решение вопроса, более удачное. Поэтому мы предлагаем казачьей эмиграции высказаться по вопросу какой из перечисленных выше дней (или новый день) следует выбрать казакам впредь за свой национальный праздник — Всеказачий Праздник.

День же 18 октября (5 по ст. ст.) предоставим праздновать тем, кто это хочет делать, но будем называть его — его собственным именем — днем памяти покойного царевича, а не Войсковым праздником донским или кубанским — все равно.

Угрозы и ожидания современности.

В последнее время Европа и весь мир живут под знаком возможной войны, в страхе перед нею.

Никогда еще война не казалась такой близкой. О ней пишут в газетах, говорят на публичных собраниях; она стала лозунгом могущественных партий у разных народов; мысль о ней, — как об этом можно с уверенностью догадываться, — претворилась в активный стимул международной политической деятельности отдельных государств.

Будет ли война, или нет; где, когда и как она начнется, — вот вопросы, на которые ищут ответа все, — даже те, кто имеет с политикой очень мало общего. Поиски беспредметные и не целесообразные, ибо они неизбежно вырождаются в пророчества и предсказания, редко или никогда не сбывающиеся. Гораздо благоразумнее поэтому заняться учётом сил и анализом тех элементов современной международной обстановки, которые своею наличностью предопределяют возможность нового вооруженного столкновения европейских народов.

Как известно, мирные договоры 1918—1919 гг. резко изменили политическую физиономию Европы. Развалилась на составные части дунайская империя Габсбургов; обессиленная монархия Гогенцоллернов стала германской республикой; в дикий туман большевизма ушла Россия Романовых, претворившись в СССР; Турция загнана вглубь Анатолии. Вместе с этим естественно рухнула и довоенная система политического равновесия Европы, покоившаяся на групповых союзах великих держав: Германии, Австро-Венгрии и Италии, с одной стороны; Англии, Франции и России — с другой. Взамен этого Европа разделилась на два лагеря, причем в одном из них оказались — большая и малая Антанты, т. е. победители, в другом — все прочие участники войны, т. е. побежденные. Верховным же, беспристрастным трибуналом для обеих сторон, их судьею должна была стать Лига Наций.

Такое положение — на некоторое время — было вполне достаточным, чтобы обеспечить Европе мир. За победителями была сила мирового общественного мнения, им принадлежало финансовое и боевое могущество, в их руках оказалась — фактически — и Лига Наций. Побежденные не могли им противоставить ничего; им оставалось, скрепя сердце, склониться перед фактами, сдерживая свои чувства и зализывая свои раны, причиненные войной, так неосмотрительно ими начатой.

Такое соотношение продолжалось почти полных десять лет; изменения стали заметными лишь в самое

последнее время, но их сразу же ощутили все, как определенную угрозу европейскому миру.

Прежде всего — распалась так называемая большая Антанта. Случилось это не сразу, а постепенно.

Первою из соглашения вышла Англия. Одна из главных участниц Великой войны, она не приняла до конца всех ее результатов, как они закреплены были в мирных договорах. Несколько лет тому назад она поставила еще свою подпись под известным германо-французским Локарнским пактом, которым гарантируются на вечные времена французские восточные границы (Эльзас и Лотарингия, возвращенные Франции), но уклонилась сделать тоже по отношению к новым средне — и восточно-европейским государствам, союзным с французскою республикою. Этим Британская империя, важнейшие интересы которой раскиданы по всему земному шару, указала пределы своих обязательств в Европе. От Рейна и далее — на восток она сохраняет за собою свободную руку, дабы иметь возможность действовать сообразно с обстоятельствами.

Отошла от Антанты и Италия, резко изменившая за это время свое внутреннее государственное устройство, а одновременно с тем и свою международную политику. Италия сочла себя обиженной мирными договорами, не получивши ни одной из отобранных у Германии колоний и той части далматского побережья Адриатического моря, на которую она рассчитывала, вступая в войну против своих-же недавних союзниц, — центральных империй. Но Италия не просто отошла, она круто переменила свой политический фронт, ставши во враждебную позицию по адресу своей соседки— Франции и ее европейских союзников. В своих, наделавших шума и посеявших тревогу, речах в Милане и Флоренции, — а особенно в последней из них — в Венеции, Мусолини, со свойственным ему красноречивым пафосом, заявил о решительном переходе Италии в лагерь побежденных, требуя в их пользу ревизии мирных договоров и угрожал в случае отказа — грядущей войной.

Центральное место в лагере побежденных принадлежит Германии. Война отняла у этого государства его былое великодержавное значение, но закончилось для него в некоторых отношениях лучше, чем для победителей. Убитыми и ранеными на войне Германия, — пропорционально, — потеряла менее, чем, например, Франция. Ее территория, за исключением части восточной Пруссии, не подверглась неприятельскому нашествию и осталась почти неприкосновенной. Во время войны она не заключала внешних государственных займов, а внутренние — после войны свелись почти к нулю под влиянием крушения ее денежной системы. Мощным напряжением сил и труда германский народ восполнил остальное, и сейчас германская производительность вернулась до довоенного уровня, а жизненное благополучие широких масс несомненно повысилось. С тем большею горечью немецкий народ вспоминает о своем былом международном величии и ощущает унижение от того, что современная Германия силою вещей сведена до положения второстепенного государства.

Это всенародное настроение легло в основу международной политики Германии. Внешнее выражение ее дано было деятельностью германского министра иностранных дел покойного Штреземана. Складывалось оно из двух линий. Первая — решительный отказ от Эльзаса и Лотарингии и на основе этого — сближение с Францией; проявлением этого и был указанный выше Локарнский пакт. Вторая — собирание вокруг Германии всех, обиженных великою войною и недовольных современным положением в Европе, — все равно, будут ли это государства или отрезки наций, очутившиеся в положении меньшинств. Результатом этого был известный Рапальский договор, установивший тесное экономическое и политическое сотрудничество Германии с СССР, а также и постепенное сближение ее с Италией.

Талантливый государственный деятель и блестящий дипломат, Штреземан ловко и сравнительно прикрыто вел эту двойственную игру сближения со своим политическим противником и собирания сил против него. Его преемникам такая игра стала не по средствам, и они беспрерывно стали сбиваться с такта, переигрывая то в одну, то в другую сторону. Окончательный же срыв произошел во время последних германских парламентских выборов. Не за дипломатические ухищрения, а за войну решительно высказалось более трети всех германских избирателей, подавших свои голоса за коммунистов, гакенкрейцеров и разных толков правых националистов. И что наиболее угрожающе, — за войну, по утверждению всех близко знающих Германию, высказалась вся молодежь послевоенной формации. Могла она это проявить потому, что германский закон предоставляет избирательные права и молодым людям, без различия пола, начиная с 20 лет. Под влиянием германского вотума Мусолини усилил свои выступления, а большевики, со своей стороны, усилили свою бросовую торговлю (демпинг), направленную на дезорганизацию экономической жизни своих противников.

Указанные выше факты, а также и многое другое, определили современные европейские настроения, определили также и новое соотношение ее международных сил. Англия в значительной степени отошла от европейских дел. Нейтральные во время Великой войны государства остаются нейтральными и сейчас. Все остальные, ходом событий, распределены в двух группах противников. Во главе одной из них стоит Франция, а возле нее и с нею — Бельгия, Чехословакия, Югославия, Румыния, Польша и балтийские государства. Другая группа состоит из Германии, Италии и СССР, к которым, быть может, примкнут Литва, Болгария, Венгрия, Австрия.

Дело касается, таким образом, всего европейского континента, перед которым стоит угроза войны, как будто неотвратимой, ибо никакая конференция не в силах примирить противоречивые интересы многочисленных сторон.

Кто победит в грядущем новом споре? Не будем приводить многих гаданий, укажем лишь на одно из них, принадлежащее известному немецкому военному специалисту, ген. Людендорфу, прославившемуся в последней войне. Он категорически утверждает, что в конечном счете Франция разгромит всех своих противников, и что результаты столкновения будут для Германии катострофическими. И все таки сам Людендорф, судя по всем его политическим выступлениям, стоит — за войну. Как об'яснить это несоответствие? Об'яснить можно только всеобщим настроением, которое овладело и самим провидцем. Подобные настроения существовали и перед Великою войною, и теперь с уверенностью можно утверждать, что это они, главным образом, ее и вызвали.

Какова должна быть наша позиция в этом деле, — наша и дружественных нам народов Украины, Кавказа, Туркестана и др.? Ответ дается сам собою. Мы не можем ни остановить надвигающегося столкновения, ни ускорить его. Но мы должны готовиться к нему, ибо для нас неизбежно и неотвратимо будет решительное участие в нем. Среди будущих участников его есть СССР, наш неизбывный и смертельный враг, для которого всякая война — начало его конца. Мы должны организовать свои силы так, чтобы при соответствующих условиях — ускорить этот конец. Помните, казаки, притчу о девах, жениха своего ожидающих!

Редакция просит всех своих сотрудников и корреспондентов писать разборчиво и по новой орфографии.

А. Ленивов.

Исторические места на Дону.*)

1. Азов: Богатая венецианская колония Тана, возникшая невдалеке от развалин древнего Танаиса и пережившая в свою очередь не мало потрясений, превратилась в средние века в цветущий город, получивший в 1068 году название Азова, по имени половецкого хана Азуфа.

Начиная с 1471 года, момента занятия его турками, Азов становится опорным пунктом Турции на Азовском море в продолжении последующих трех столетий, пока, наконец, в 1769 году не отходит к России.

В течение всего этого периода, у турок из-за обладания Азовом идет упорная, кровавая борьба с донскими казаками, стоющая последним огромных, неисчислимых потерь и жертв людьми; много, много славных страниц прибавляется в историю Войска Донского (Азовское взятие, Азовское сидение и т. д.).

Создав из Азова крепость, турки и укрепляют ее соответствующим образом: 1) Сплошной крепостной ров, опоясавший крепость, имеет $1^1/_2$ саж. глубины и $4^1/_2$ саж. ширины. 2) 11 сильно укрепленных крепостных башень. 3) Крепостная стена, пояс которой достигает длины 600 саж.: высота стены со стороны Дона равняется 10 саж.

Сообразно тому, что стены крепости закладались на глине, в настоящее время от некогда грозных сооружений сохраняется мало следов.

В относительной сохранности пребывает ныне турецкий пороховой погреб и отчасти крепостной ров.

2. Баклановская ст: Бедная, маленькая станица является родиной славных донских героев — генералов Бакланова и Ефремова. В память первого, станица ныне и носит наименование — Баклановская, именуясь до этого ст. Гугнинской, возникнув на месте, где в старые времена была ставка Атамана Гугни.

3. Богатый Источник (Колодезь): Урочище, носящее подобное прозвище, находится против устья р. Темерника. Здесь, в 1749 году распоряжением государственной власти была поставлена пограничная (с Турцией) таможня, явившаяся первым поселением на месте будущего города Ростова на-Дону.

4. Гниловское городище: Раскопки городища, обнаруженного невдалеке от ст. Гниловской, выявили массу ценных предметов, служащих памятниками византийской эпохи.

5. Голубинская ст: В XVI—XVII ст. ст. станица (Голубиный городок) служила границей деления донских казаков на Верховых и Низовых.

В Булавинское восстание (1707—1709 гг.) казаки Голубинского городка оказывали деятельную помощь Булавину, после гибели коего почти поголовно ушли с Некрасовым на Кубань, а оттуда и в Турцию.

И ныне, в селении Некрасовцев — Майнозы, на берегу Маньясского озера в Турции, церковные книги (старого уклада) имеют следующую надпись: „Сія книга Голубинской станицы“ — 7225 года.

6. Городище у ст. Хопры: Развалины городища представляют собой памятник, относящийся к скифско-сарматской эпохе.

7. Городище у ст. Глазуновской: Раскопки, веденные перед 1914 г. обнаружили остатки жилищ, домов, мечетей и др., относящихся к периоду пребывания татарских орд на Дону в XIV века.

8. Гостин (Гостинный) Остров: Небольшой островок, находящийся в устьи западного рукава реки С. Донца, при слиянии его с р. Доном: в XVI—XVII ст. ст. на Гостинном острове обыкновенно останавливались иностранные послы, приезжавшие в Главное Войско.

В XVI веке в трех верстах от Гостина острова, располагался один из древнейших городков Войска Донского — городок Верхние или Донецкие Раздоры.

9. Денжурова яма: В Аксайском займище, между ст. ст. Мелеховской и Кривянской (в 11 верстах от последней), р. Аксай образует при своем загибе т. н. колено, в каковом месте и находится огромной силы водоворот, в предании дошедшем до нас, получивший название „Денжурова яма“.

Предание говорит, что в этом месте казаки утопили, набросив на шею камень, татарина по имени Денжура, везшего из Ногайской орды письма к Булавину.

10. Жегуля: Протока между р. р. Доном и Сев. Донцом, до последнего времени сохраняет наименование — Жегуля.

Весьма характерно, что и возвышенный берег реки Волги близ Самарской луки носит аналогичное наименование — Жегуля, Жегули, Жегулевы горы.

11. Золотая Коса: На побережьи Азовского моря, между селением Поляковка и устьем р. Миуса, а именно у Золотой Косы сохраняются следы торговых колоний римской и византийской эпох. Раскопки дали наличие большого числа оружия, древних сосудов и т. д.

12. Казачий Ерик: Рукав р. Дона, прорытый донскими казаками около 1620 г., сохраняет за собой в истории наименование Казачий Ерик.

Ерик имеет свою, хотя и небольшиую, но весьма интересную историю. Прорыт он казаками, стремившимися иметь свободный выход в Азовское море, в виду того, что на одном рукаве р. Дона турки поставили крепостные башни-каланчи, а другой совершенно засыпали.

В 1661 году турки, под прикрытием т. н. Донецкой крепости, возведенной ими в 1660 году, засыпают Казачий Ерик, спустя немного вновь открываемый казаками. 1662 год — дата засыпки Ерика вновь турками и вторичного его открытия казаками.

13. Казачий Остров: Остров, насчитывающий до 60 вер. длины и 20 вер. ширины, образуется р. Доном и рукавом его р. Аксаем, берущим начало у ст. Мелеховской и впадающим в р. Дон у стан. Аксайской.

В XVI ст. на Казачьем острове уже существовали городки — Нижние Раздоры, Монастырский, Черкасский, Маныч, Бесергенев и поселения Смагин и Минин — будущие городки Богай и Мелехов.

В XVII ст. на острове находится „Главное Войско“, как центр административного управления Войском Донским.

14. Каланчинская протока: Каланчи — крепостные башни, поставленные турками в 1620 г. по берегам одного из главных рукавов р. Дона, удержива-

*) Сведения, приводимые в настоящем изложении, являются краткой выдержкой из труда, касающегося Донской старины, разработанного автором из материалов, могущих представлять интерес, как в историческом, так и археологическом отношениях.

„Старые воззрения в области государственного и национального единства России были построены на основе механического об'единения земель, областей, национальностей, на основе централизации и чисто внешнего единообразия форм, на основе подавления всех местных особенностей, национальных и бытовых. Этим воззрениям соответствовали и построения в области русской истории, а также истории и теории русского государственного права“.

(С. Г. Сватиков. „Россия и Дон“, стр. IV.)

ют в истории за этим рукавом наименование — Калайчинская протока (Каланчинский проток).

К 1660 году, для большей защиты устья Каланчинской протоки, турки сооружают по берегам еще два крепостных укрепления.

Попытки царской власти, стремившейся поставить свои крепости на Каланчинской протоке в 1675 году, кончаются неудачей, благодаря противодействию донских казаков. Только в 1695—96 гг. Петру I удается поставить на протоке свои крепости: Новосергиевскую и Никоновскую, срытые в 1711 году после Прутского похода.

15. Каменский карьер: При работах, веденных на песчаном карьере у ст. Каменской в 1927 г., найдено большое кладбище мамонтов. Образование кладбища, археологи относят за несколько десятков тысяч лет до начала нашего летоисчисления.

16. Качалинская балка: Балка, представляя собой ров с валом, тянется на протяжении почти 70 верст от ст. Качалинской к гор. Царицыну.

История образования балки весьма сложная. В 1559 году восьмидесятитысячная отборная турецкая армия султана Селима совершила поход через Дон к г. Астрахани. Селим, подойдя к Волго-Донской переволоке, приказал рыть канал между рр. Волгой и Доном, в самом узком месте, именно между нынешней ст. Качалинской и г. Царицыным. Цель прорытия канала заключалась в установлении прочной связи между г. Константинополем и Астраханью.

Как известно, попытка Селима кончилась полнейшей неудачей.

Столь-же неудачны были и работы голландского вице-адмирала Крюйса, прорывавшего канал по повелению Петра I.

Памятником этих дней служит ныне Качалинская балка.

17. Кизитиринская балка: Балка пролегает около нынешней ж. д. ст. „Кизитиринка“, бывш. поселение у Кизитиринского форпоста крепости Св. Димитрия Ростовского. В 80-х годах XVIII ст. балка являлась границей между территорией Войска Донского и земельным участком кр. св. Димитрия Ростовского.

В 1917 г. в Кизитиринской балке происходили первые бои казаков с большевиками на Дону.

18. Кобякова Казна (гора): Нагорный правый берег в месте слияния р. Аксая с р. Доном, находящийся в $18^1/_2$ вер. на запад от Черкасска и носящий в данное время наименование „Аксайские бугры“, обозначен в исторических актах и документах под именем „Кобякова Казна“ (гора). Развалины городища, находящиеся здесь, вызывают предположение, что это развалины древнего города, существовавшего еще при половцах близ устья р. Аксая.

Во втором слое Кобякова городища, уже в 1926 г. были обнаружены предметы доскифских культур.

Помимо уже приведенного, Кобякова Казна в XVII—XVIII вв. в течение целого ряда лет, являлась крайней границей Войска Донского на запад. Далее, на Кобяковой Казне до 1569 года существовал Атаманский городок, являвшийся в указываемое время столицей Войска Донского.

Наконец, в былые времена, когда наступало половодье, то с'езжий круг Войска Донского, имевший место в мае месяце, большей частью происходил на Кобяковой Казне.

19. Крепость Св. Анны: В 1730 г. в царствование Анны Иоанновны, в нескольких верстах выше Черкасскаго городка построена крепость, получившая наименование Св. Анны.

Крепость носила характер опорного пункта имперской власти и против казаков и против турок. При всем этом, крепость существовала весьма непродолжительный период времени (1730—1761 гг.), ибо весенние разливы р. Дона причиняли огромный вред и ущерб крепостным фортификационным сооружениям.

В 1761 году крепость Св. Анны была перенесена на урочище Богатый Источник, находящееся на нагорном берегу р. Дона, против устья р. Темерника.

20. Крепость Св. Димитрия Ростовского: При Петре III, в 1761 году, крепость Св. Анны, стоявшая выше Черкасского и сильно страдавшая от наводнений, была переведена к берегу р. Дона на урочище Богатый Источник. Крепость, заложенная здесь заново, получила новое название и впредь начала именоваться официально — крепостью Св. Димитрия Ростовского. Солдатский форштадт крепости с самого начала назывался Ростовом и с 1797 года стал гор. Ростовом на-Дону. Купеческий-же форштадт крепости превратился в гор. Нахичевань на-Дону.

21. Миусский лиман: Невдалеке от лимана, находятся развалины древне-греческого некрополя, обнаруженного раскопками, веденными в 1926 году.

22. Мишкина балка: Балка расположена около железнодорожной магистрали Ростов-Новочеркасск, в нескольких верстах от последнего: получила свое наименование по имени Михаила Черкашенина, Донского Атамана (1570 г.).

Хут. Мишкин, расположенный у балки и имеющий аналогичное название с ней, в 20-х годах XIX ст. являлся личной собственностью Атамана графа М. И. Платова.

23. Монастырское урочище (Монастырский Яр): Урочище расположено между г. Азовом и ст. Старочеркасской. Приблизительно около 1594 г. на урочище уже существовал Монастырский или Нижний городок , являвшийся столицей „Главного Войска“ Донского с 1622 г. по 1637 г., а также и в 1642 г.

Памятью о существовании этого городка, дошедшей до нашего времени, является прозвище самого урочища — Монастырское. Замечательно то, что в Монастырском городке находились курени исключительно несемейных, холостых казаков.

На Монастырском урочище до самого 1920 г. (момента оставления казаками Дона), Войско Донское поминало особой торжественной панихидой, бессмертного донского атамана Осипа Петрова и всех казаков-героев Азовского сиденья.

День поминовения героев, приходился всегда на последнюю субботу перед 1 октября ст. ст. (день Покрова Пресвятыя Богородицы). На Монастырском урочище собирался Круг, — на котором у часовни-памятника, сооруженной в 1866—67 гг. и окруженной рядом старинных азовских пушек, служилась над могилами павших в Азовское сиденье казаков торжественная панихида, зачитывалась царская грамота, восхвалявшая защитников Азова и после этого совершалось не менее торжественное поминовение.

Урочище знаменито еще тем, что в страшную ночь субботы 30 сентября 1644 года, турки, подойдя незамеченными к Монастырскому городку, вырезали несколько тысяч донских казаков, спавших глубоким сном.

Событие это в истории известно под именем „Монастырская резня“.

24. Недвиговка (хут. Недвиговский, Гниловской ст.): Недалеко от поселения находится место, где существовала греческая колония Танаис (возобновленный) на правом берегу Мертвого Донца. Богатое экономическое значение дельты р. Дона отлично учитывалось греками и они, после разрушения Аттилой их старой колонии Танаис (древний), восстановили ее невдалеке от нынешнего поселения Недвиговки.

25. Новый Транжамент (Ретраншамент): Укрепление выстроено в июле—августе 1712 года выше Черкасского городка (2 вер.) близ речки Васильевки, по повелению Петра I.

Новый Транжамент, выстроенный вместо старого укрепления (Транжамент), предназначался для наблюдения за донскими казаками и турками.

В период 1713—30 гг. укрепление закрывало донцам свободный выход в Азовское море.

К 1920 г. не сохранилось никаких следов укрепления Новый Транжамент (Ретраншамент).

26. Остров (ст. Елизаветинская): На острове еще в V веке до Р. Х. существовала богатая греческая колония Танаис, впоследствии разрушенная Аттилой. Существует предположение, что на месте разоренного Танаиса возник потом большой торговый сла-

вянский город Руссия (хозарское наименование — Артана), впоследствии получивший название Орнас.

Раскопки, веденные в этих местах в 1908—09 гг. дали много ценных вещей греческого и скифского периодов.

27. Переправа Бабская: Переправа находится близ устья р. Сала, в каковом месте в конце XIV стол. существовал г. Ахас, разгромленный татарами в дни нашествия Тамерлана (1395 г.).

28. Потемкинская ст: Станица ранее называлась Зимовейской, родом из нее был Емельян Пугачев. В 1774 году по повелению Екатерины II ст. Зимовейская переименована в Потемкинскую, родной дом Пугачева сожжен и пепел от него разметан по ветру; место, на котором стоял дом, разборонено плугами, жена и дети Пугачева сосланы в ссылку.

29. Пятиизбянская ст.: Наименование станицы имеет историческое прошлое. В старые времена казачество, пребывая долгое время в несемейном положении, обыкновенно, ставя городок, расселялось компаниями (группами) в куренях (или избах), довольно обширных и поместительных. Отсюда, вероятно, и происходит название ст. Пятиизбянской (очевидно, при основании ее было пять таких изб).

Перед Булавинским восстанием на Дону существовал и другой казачий городок, носивший аналогичное название: он назывался Трехизбянским; родом из него был сам Кондратий Булавин.

30. Пять Братьев: Курганы, расположенные около ст. Елизаветинской. В дни борьбы казаков с турками играли роль сторожевых холмов. Займище, шириной в 30 верст находящееся между устьем правого рукава р. Дона—Мертвым Донцом и главным гирлом Дона, всегда заливается водой. И тогда на этом залитом водой пространстве, оставался один возвышенный остров, на котором стоят курганы — Пять Братьев, далеко видные во все стороны.

31. Раздорский (Донецкий) остров: Остров образуется двумя устьями р. Сев. Донцом и р. Доном; в XVI стол. являлся станом „Главного Войска" Донского. Городок Верхние или Донецкие Раздоры (первое упоминание о нем относится к 1571 г.) располагавшийся при впадении зап. рукава р. Сев. Донца в р. Дон, являлся столицей Войска Донского в период с 1549 г. по 1622 г. Также и в 1643 г., когда Черкасский городок был сожжен татарами, столица Войска временно была перемещена в Донецкие Раздоры. В описываемую эпоху на Раздорском острове располагались и другие городки: Семикаракор, Кочеты и Бабей.

Название Раздоры никак не ведет свое начало от того времени, когда казаки не поладили между собой в 1573 году и известная часть их отделилась от Войска: одни двинулись с Ермаком на Сибирь, другие с Шадрой на Терек и третьи на Яик.

Прозвище Раздоры носит несомненно другой характер происхождения, хотя-бы потому, что по историческим документам, — относящимся к середине XVI стол. видно, что на Волге близ Камышинки существовало т. н. Раздорское Урочище.

32. Ратный городок: В царствование Алексея Михайловича, именно в 1660 г. близ Черкасского городка, для приходивших на Дон московских войск, был поставлен т. н. Ратный городок, в скором времени срытый.

33. Рыгинское городище: Около хут. Рыгина, ст. Каменской, при раскопках, веденных в 1901 г., обнаружено местонахождение самого большого на Дону городища, названного Рыгинским. Городище относится к периоду II века, когда через Дон проходили орды готов.

34. Семикаракорское городище: Находящееся в окрестностях ст. Семикаракорской городище представляет собой памятник византийского периода.

35. Сиротинская ст.: Станица является одной из наиболее древнейших станиц на Дону по своему образованию, каковое надо относить примерно к началу XIV стол. Основанием для формулировки подобного утверждения служит предание о том, что накануне Куликовской битвы (8 августа 1380 г.), казаки Сиротинского городка поднесли образ Пресвятой Богородицы вел. кн. Дмитрию Иоанновичу. Предание это, записанное донскими историками, сохраняется и поныне.

36. Старочеркасская ст.: Станица Старочеркасская — быв. Черкасский городок, является одной из наиболее древнейших станиц по времени своего образования и наиболее славнейших по своей истории, составляющейся из борьбы донских казаков с турками, татарами и ногайцами в продолжении двух с половиной столетий, разыгрывавшейся главным образом на пространстве между крепостными стенами Азова и деревянным палисадом Черкасского городка. Начиная с 1645 г. и до 1805 г., когда был основан г. Новочеркасск, столица Войска Донского находилась в Черкасском городке. В 1650 г. в городке построена первая деревянная церковь — выполнение казачьего обета во время Азовского сиденья.

Старочеркасский собор, построенный в 1719 году, поражает массивностью своих стен: огромные, мрачные подвалы в былое время служили тюрьмой. В ризнице собора сохранились облачения на аналои, сделанные из драгунских чепраков с прусскими черными орлами, отбитые казаками полка Себрякова в Семилетнюю войну в бою при Грос-Егерсдорфе в 1757 году, при разбитии ими полка немецкого принца Брауншвейгского. У входа в собор висели цепи, которыми был скован Степан Разин, томившийся в заключении в одном из подвалов собора.

Ефремовский женский монастырь находился в здании старинного усадебного дома Атаманов Данилы и Степана Ефремовых, пожертвованного их наследниками в 1831 году под монастырь. В монастырской ризнице сохранялся покров на аналои, сделанный из шелкового халата персидского шаха, отбитый Атаманом Данилой Ефремовым в походе на Персию.

До 1920 г. в ст. Старочеркасской находились вывезенные казаками из Азова, при сдаче его туркам в 1642 г., крепостные железные ворота и городские весы. В станице находилось место, т. н. войсковой майдан, где в былые времена происходил Круг Войска. На этом майдане 19 апреля 1709 года в присутствии Петра I, по его повелению, были воткнуты на колья головы

„Царство Московское не столько нуждалось в новых землях для правительственной колонизации, сколько пошло войною на самый уклад вольной жизни своей колонии. Самодержавный царь Петр Великий... и атаман Кондратий Булавин, выборный президент Донской республики, померялись силами. Метрополия победила свою колонию. Помимо последствий для политического строя Дона, Войско Донское лишилось одного миллиона десятин земли. Верховья реки Хопра были отрезаны царем к Воронежской губ. По р. Айдару, по верховьям р.р. Донца, Лугани, Деркула, по Иловле, по Калитвам было уничтожено 44 казачьих городка. Земли по р. Айдару отошли к Острогошским казакам; земли по р. Донцу с Бахмутскими солеварнями — к Бахмутской провинции".

(С. Г. Сватиков — „Россия и Дон", стр. 20).

двух казненных донских Атаманов эпохи 1707—1709 гг. Кондратия Булавина и Ильи Зерщикова.

Отличительную характерную особенность ст. Старочеркасской составляют курени на сваях, а также высокие мостики, проложенные по улицам на большой высоте. Об'ясняется это тем, что время наступления половодья ст. Старочеркасская целиком заливается водой и тогда сообщение возможно только на лодках.

Многие станичные курени-дома представляют собой в историческом отношении исключительный интерес, например: Дом Козорезова — дом, где по преданию жил Степан Разин, дом Жученкова — печь с внутренней отделкой, поразительной старинной красоты и т. д.

37. Транжамент: Укрепление возведено в августе 1711 года в трех верстах ниже Черкасского городка. Назначение его заключалось в хранении военного имущества, вывезенного русскими войсками из Азова, сданного Турции после неудачного Прутского похода Петра I.

В июле 1712 года, Транжамент перестает существовать, как укрепленная „фортеция". В виду протестов турок, Петр I упраздняет укрепление и переносит таковое на новое место в двух верстах выше Черкасского городка.

В настоящее время не сохраняется никаких следов, по которым могло-бы быть восстановлено точное местоположение Транжамента.

38. Усть-Хоперская ст.: Носомненно в настоящее время ст. Усть-Хоперская имеет полное право быть отнесенной к числу исторических мест на Дону по следующему обоснованию.

Уроженцами ст. Усть-Хоперской являются следующие казаки:

1) Каледин А. М., первый выборный Атаман Войска Донского после 193-летнего перерыва (1723—1917 гг.).

2) Крючков Козьма, первый георгиевский кавалер в Великую войну 1914—1918 гг.

3) Подтелков фейерверкер 6 гв. каз. бат., вождь донских большевиков в 1917 г., президент Донской социалистической республики.

39. Хутор Кокуев, Клетской ст.: Сам по себе, ничем не интересный, хутор замечателен тем, что имеет историческое наименование.

Первый город, заложенный дружиной Ермака в Сибири, назван казаками Кокуем.

Монастырь Новгорода Великого, расположенный на Белом море, назывался Кокуем.

Первая река, встреченная Ермаковской дружиной в Сибири, получает от казаков прозвище Кокуй, сохраняя таковое до последнего времени.

Главная башня Кремля в Новгороде Великом называлась Кокуем.

Существование аналогии между хут. Кокуевым, Клетской ст. и указанными примерами, несомненно...

40. Хутор Яменской (бывшая станица Яменская): Хутор в историческом отношении замечателен по двум признакам: 1) Казак ст. Яменской Ларион Стародубцев в 1732 г. об'явил себя царевичем Петром Петровичем, сыном Петра I и выпустил к народу ряд манифестов. В 1733 году в той-же станице Яменской, на церковной площади была совершена публичная казнь Стародубцева и его 9 сообщников по приговору Тайной Канцелярии.

2) Старая хуторская церковь построена в новгородском стиле.

41. Черленный (Красный) Яр: Местность при слиянии р. Терсы с р. Медведицей, имеет название Черленный Яр. В первых годах XVIII стол. здесь существовал Войска Донского Красноярский казачий городок, уничтоженный Петром I после Булавинского восстания.

На месте разрушенного донского Красноярского городка, теперь стоит г. Красный Яр (Саратовской губ.).

42. Четыре Брата: Курганы, расположенные близ ст. Мелеховской, носят прозвище „Четыре Брата". В одном из курганов находится гробница, обнаруженная при рытье водопровода в ноябре 1927 года. В гробнице найдены в полной сохранности — скелет, глиняный кувшин с матовой полировкой, бронзовая амфора и черпак, на рукоятке коего выбита на древне-греческом языке надпись, гласящая, что тот ковш дан знатным греком своему эконому — Теофилу.

43. Чингарский остров: Возвышенность по р. Дону, выше ст. Старочеркасской, в период весеннего половодья, делается островом и сообразно этому имеет закрепленное за собой в народе название — Чингарский остров. Известно, что в период борьбы донских казаков с турками, на этой возвышенности постоянно находился казачий сторожевой пост.

44. Цымлянское городище: Раскопки веденные перед Великой войной, в районе хут. Попова, Цымлянской ст., под руководством хранителя Донского музея Х. И. Попова, обнаружили на городище остатки православного храма, монеты XII века, образ св. Николая с греческой надписью IX—X века и два крестаскладня киевской выделки с изображением св. св. Бориса и Глеба. Подобные находки дали возможность более точно определить местоположение крепости Саркела (более позднее название Белая Вежа), ибо до этого момента (раскопок) мнения археологов расходились: одни утверждали, что Саркел был расположен близ Волго-Донской переволоки, другие настаивали, что близ х. Попова Цымлянской ст. Как известно, восторжествовало второе мнение. Саркел (в переводе — Желтая Скала), был построен в VII—VIII веке по Р. Х. хозарами, господствовавшими в то время на юге. Назначение Саркела, как крепости, выражалось в прикрытии торговых путей к р. Волге от нападений печенегов.

История сохранила нам и другое наименование Саркела — Шарукань, данное в честь половецкого хана. Постройка крепости Саркела (Шарукань) на Дону относится к 835 году.

П. И. Кокунько.

Наше прошлое.

Часть военная (дисциплина).

(Продолжение).

Черноморцы в общем были достаточно "консервативны", стараясь по мере сил и возможности сохранить свои старые привычки и обычаи, поэтому с недоверием встречали всякие „нововведения", в том числе и требование „чинопочитания".

Замечательно, что к этому требованию недоброжелательно относились не только рядовые казаки, но и старшина, которая, как бы интуитивно и на себе уже чувствовала все проявления „политики" правительства, которую оно так систематически проводило на Дону, разделив казачество на привилегированных и непривилегированных. Как старшина, так и рядовые черноморцы сознавали, что армейское „чинопочитание" — тоже есть горсть земли на могилу, в которую петербургские „верхи" старались похоронить Казачество.

Если трудно найти документальные данные для доказательства только что сказанного, то это только потому, что войсковое начальство старалось избегать формального ведения дела о нарушении порядка чинопочитания, не считая эти преступления особенно важными среди казаков тем более, что проступки эти вели к довольно суровому наказанию, так как время было военное. Но рассказы и анекдоты того времени достаточно характеризуют то отношение, которое существовало у массы к нововведениям.

Большой ревностью к соблюдению всех нововведе-

ний отличался Войсковой Атаман Завадовский, особенно после назначения его в командующие войсками, находящимися на территории Черноморского Войска. Вследствие этого его недолюбливали в Войске не так рядовые казаки, как чиновный люд разных рангов, с которыми ему чаще приходилось иметь соприкосновение.

Завадовский любил почет и уважение и не упускал случая показать величие своей персоны. Пока он был только Атаман, в соборе, при торжественных случаях он стоял всегда впереди, против царских врат, непосредственно около амвона. Когда его сделали и командующим войсками с производством в полные генералы, он переменил место: начал становиться посреди собора и требовал, чтобы между ним и амвоном никто не стоял. Наблюдать это должен был, конечно, полицмейстер. Таковым был в то время легендарный есаул Блоха, о котором сохранилось много анекдотов, между которыми есть характерные, как протест против чинопочитания, иногда довольно нескромные. Так, во время одного из богослужений, на котором присутствовали все войсковые чины в полной парадной форме, когда все заняли установленные места и Завадовский стал на свое обычное место, есаул Блоха накупил свечей и пошел вперед ставить их. С особенным усердием, становясь на колени и истово крестясь, он клал поклоны. К общему смущению, у Блохи распоролись штаны на нескромном месте. Если принять в соображение, какая в то время была установленная форма для черноморцев (короткие мундиры, на манер нижегородских драгунских), то „пейзаж" перед Завадовским представился не особенно привлекательный. Увидев это, Завадовский начал отплевываться направо и налево и сыпать для него обычные ругательства:

— Тьфу! проклята шельма! Ач ..... и, обращаясь к близ стоящим чинам прибавил: — Ач який! Проженіть оту трекляту Блоху, щоб її в святиім храму не було! Нечисть яка!

Другой раз такой протест со стороны Блохи выразился еще в худшем виде. Завадовский имел привычку иногда после обедни в соборе устраивать свое торжественное шествие со всеми чинами, бывшими в соборе, в войсковой штаб или дежурство, как его называли тогда, который помещался в одном из бараков (бывших куреней) против главного выхода из собора. А в таких случаях полицмейстер обязан был наблюдать, чтобы проход от собора к штабу был свободен от любопытных.

Выполнив все, что полагается в таких случаях, Блоха возле дорожки воткнул в землю несколько камышинок и стал возле них, ожидая прохода Атамана. Когда последний достаточно приблизился к нему, Блоха присел на корточки, как будто в силу „естественной необходимости". Завадовский, увидя это, замедлил несколько шаги, но, видя, что Блоха не уходит, храбро пошел вперед, как будто не замечая его.

— Ну, тай панства того расплодилось чорт зна скільки! і в плавнях не заховаешься! Громко, с досадой, крикнул Блоха, когда Завадовский поровнялся с ним.

— Ач, проклята шельма! опять штуки! Візьміть того проклятого птаха, та одведіт його до мене в кабинет і запріть там, нехай дожидається, поки я прийду.

Это, конечно, для обычного в таких случаях „отеческого" внушения, хотя Завадовский не стеснялся давать такие внушения и публично.

Рассказывали, между прочим, и такой случай. Завадовский, занимавший квартиру в доме по Красной улице, любил иногда выйти на улицу и посидеть на скамеечке около ворот в тени под акациями, которыми был обсажен дом. Костюмом он не стеснялся и часто можно было видеть его в жаркое время в одной рубахе. Как-то раз, в жаркий день, после небольшого дождика вышел Завадовский в одной рубахе и уселся на обычном месте. Случилось так, что в это время проезжал верхом мимо молодой офицер, выбранный в гвардию, сын начальника штаба. Увидя сидящего Атамана, ему захотелось с „форсом" проехать мимо него. Подтянув поводья, он ударил лошадь нагайкой и подбочился (так тогда отдавали честь). Лошадь сорвалась и задней ногой попала в небольшую лужу, из которой полетели брызги и несколько их попало в Атамана. Завадовский подозвал к себе офицера.

— Ач! це ти вже і снарядився зовсім, як треба, братець (в благодушном настроении или же прикидываясь благодушным, Завадовский всегда обращался со словом „братец", при чем ударение ставил не на первый слог, а на последний).

— Добре! гарний хлопець! А з чійого табуна кінь?

— Бурсаківський, — отвечал офицер.

— А ну, злізай, та підведи ближче коня до мене, я подивлюсь.

Тот выполнил приказание.

— А ну, поверни боком, тавром до мене. Так бачу — Бурсаківського. Добрий кінь. О, і шапка нова, гарної курпеї, а ну дай мені у руки!

Офицер снял шапку и протянул ее Атаману, а тот, беря шапку левой рукой, правой схватил за чуб офицера и, дергая его довольно чувствительно, приговаривал:

— А ти, сучий хлопче, коли їдеш мимо начальника, то не форси, особлив після дощика, а то бач мене обляпав усього грязюкою...

Кончив „операцию", Завадовский прибавил:

— Ну, тепер усе. Їдь з Богом, та кланяйся батькові, скажи йому, що я вже бачив тебе і обновив твій мундір.

Прохожие благодушно улыбались на это „отеческое внушение", как на обычное явление...

Такие же „отеческие внушения" продолжались и потом. Говорят и у Рашпиля в кабинете всегда висела нагайка и частенько „чины", бывшие с докладом у Атамана, выходили оттуда с необычно розовым лицом, почесывая спину и поглаживая волосы на голове. Зато преданне суду было редкостью.

По писанию, значит: „Наказуя, наказа мя Господь, смерти же не предаде мя". Простая патриархальная была жизнь! Такие же были и служебные отношения.

Как-то раз небольшой отряд, под начальством войскового старшины Яглича, состоя из двух сотен — пешей и конной — и одной пушки, которой командовал сын Яглича — хорунжий, назначен был сделать „поиск" в плавнях, в которых по донесению пластунов, замечено было накопление горцев, так как время было спада воды. Отряду предстояло переправиться через Кубань по мосту на байдаках. Начальник отряда лично руководил переправой и торопился перебросить через реку часть пехоты и конных казаков. Время было жаркое, а молодому хоунжему, вероятно, надоело ждать и он под'ехал верхом к отцу со словами:

— Осмілююсь доложить, господин войсковой старшина, что предпочтение дается артиллерии.

Занятый хлопотами, начальник отряда вспылил.

— Батькові твоєму чорт з твоїм предпочтением, — крикнул он сыну. Не лізь, де тебе не требується!

— От така ловись! возразил сын, та де ж би то вам! Одначе, я буду жаловаться по начальству за оскорбление офицера.

— Пішов геть к чорту, поки морда ціла! Жалуйся, — возразил отец.

Трудно было казакам отвыкать от старой привычки — всей душой отдаваться делу, пренебрегая формой. И долго еще потом повторялись подобные инциденты. Только по окончании Кавказской войны наступил перелом в этом отношении, когда боевую практику пришлось заменить учебной. Но и этот перелом казачество об'яснило по своему: „кончилась война; начальству нічого робить, воно і забавляється, видумує ріжні витребеньки, щоб не сказали, що дурно жалування получають...

В глазах старых, боевых казаков, переживших Кавказскую войну, многие из этой учебы и вообще из нововведений действительно казалось „вытребеньками", как увидим ниже.

Чтобы показать до какой высокой степени казачество понимало дисциплину и как резко отделяло ее от того, что, по его мнению, не имело никакого значения, кроме приниженния личности, остановимся на примере, по мнению некоторых, массового нарушения дисциплины на так называемом „Персидском бунте".

Под конец царствования Екатерины II, правительству опьяненному успехом русского оружия в Европе, пришла мысль осуществить проект Петра I, предпри-

нять поход на юг через Персию. Этим предполагалось убить двух зайцев: утвердиться на берегах Персидского залива и „обуздать" Персию, причинявшую постоянные разорения Грузии, искавшей покровительства единоверной ей России.

Слухи об этом проникли на Кавказ, главным начальником которого был генерал Гудович, живший в Моздоке. Предполагая, что он будет поставлен во главе этой экспедиции, Гудович заранее начал подготовлять этот поход. Совершенно для него неожиданно главнокомандующим этой экспедиции был назначен молодой генерал аншеф Валериан Зубов, который и не замедлил явиться в Моздок. Вообразив себя вторым Суворовым, из науки которого вероятно только и усвоил „быстрота и натиск", Зубов, по приезде, хотел немедленно двинуться в поход с частями войск, которые были под рукой. Напрасно Гудович и другие чины старались убедить, что это было бы очень опрометчиво, что край очень мало населен, что трудно собрать сразу довольствие для армии, вообще организовать продовольственную часть, что даже перевозочных средств нет, что, наконец, и армия еще не сосредоточена и не готова к выступлению в такой серьезный и дальний поход, что для всего этого едва ли достаточно будет и двух месяцев. Все было напрасно. Жажда блестящих подвигов, которые по мнению Зубова были так легки и в которых он так был уверен, обуяла главнокомандующего настолько, что он согласился на отсрочку выступления только на две недели.

Что можно было сделать в такой короткий срок? Реквизировать нужные предметы было негде, да и нечего. Все нужно подвезти, а перевозочных средств достать негде; все нужно было купить, а получка денег из Петербурга при тогдашних средствах сообщения требовала долгого времени. Получилась полная кутерьма, при которой местное начальство теряло голову. При спешности покупки и затруднительности перевозки, цены конечно непомерно росли, как на покупку продовольствия, так и на перевозку.

И вот в такую кутерьму полной неразберихи попал и отряд черноморских казаков под начальством бригадира Головатого. Если принять во внимание, что казаки шли впереди всегда только в боевых действиях, во всех же остальных случаях, в том числе и во всякого рода довольствиях они оставались в хвосте, то становятся понятными все те бедствия, которые пришлось перетерпеть этому несчастному отряду. Отряд гнали вперед, несмотря ни на какие препятствия, так как поход начался, не ожидая сосредоточения армии. Головатому предстояло погрузиться с отрядом на суда в Астрахани и высадиться в Баку, когда туда прибудет армия. В то время, когда Головатый шел к Астрахани, передовые части армии подходили уже к Дербенту, следовательно, ему нужно было торопиться, елико возможно.

Несмотря на все безобразия, сопровождавшие эту экспедицию, несмотря на недостаток всего и форсированные переходы, в то время, как в частях армии отсталость и дезертирство были обыкновенным явлением, в отряде Головатого было сравнительно все благополучно. Казаки затаили злость на непорядки во время похода и проявили ее по окончании похода, по приходе в Екатеринодар, где и постарались возбудить общее недовольство участников похода против старшин, обвиняя их за все то, что они перетерпели за время похода. Это повело к так называемому „Персидскому бунту", который послужил основанием для обвинения казаков в „нарушении дисциплины".

Об этом „бунте" еще придется вспомнить в одной из следующих глав, в настоящей же можно высказать только догадку, что, быть может, этот „бунт" ускорил осуществление проекта о сравнении казачьих офицеров в чинах с армейскими, чтобы вывести казачью старшину из того неопределенного положения в служебном и дисциплинарном отношении, в котором она находилась до того. Таким образом, он помог правительству в раз'единении Казачества, которое было проведено и на Дону и дало довольно существенные результаты в деле ограничения его „вольностей и привилегий".

(*Продолжение следует*).

Н. Нечуй-Левицкий.

Размышление по случаю 13-й годовщины красного октября.

Итак, тринадцать годков стукнуло...

Большевицкая Россия все культуры народов б. Р. И. беспощадно перепахала красным плугом и на их месте упрямо, в ударном порядке насаждает одну сплошную культуру — пролетарскую, коллективную, безликую. Эта трафаретная, сложившаяся не на вольном воздухе, а в затхлой казенной фабрике, культура должна, по их плану, поглотить в стране все самобытное, оригинальное, мало-мальски выпирающее из под стадного коллективного аршина. Красная Россия (с точки зрения своих собственных интересов) оказалась смелее, прозорливее и настойчивее царской, которая все же до некоторой степени щадила исторические, духовные, бытовые и даже национальные особенности своих составных частей, не терпя только особенностей политических. Польша, Украина, Прибалтика, Казачьи области — столетия находились под скипетром России; Финляндия, Кавказ, Средняя Азия — много десятков лет, — но на Великороссию эти окраины не стали похожи. Что будет с этими Землями (исключая, конечно, оторвавшиеся от совра), если они хоть пол-века останутся под сапогом красной Москвы? Бывшая Россия на протяжении своей истории осталась многоликой; красная на всех парах стремится стать одноликой. Это ее стремление для Казачества, как и для прочих российских меньшинств, страшнее остальных большевицких экспериментов.

Народ, как бы малочислен он не был, пока сохраняет свою самобытность, существует. Без нее народ становится сырым человеческим материалом, который в искусных руках может принять любую форму.

Некультурные государства, когда хотели избавиться от неугодных меньшинств — просто их уничтожали. Культурные — об'ектом внимания избирали не тело, а душу обреченного народа, денационализируя и ассимилируя его. Советская Россия, — эта красная ворона среди государств, практикует и тот и другой способы. Она одинаково охотно прибегает и к физическому истреблению „социально вредных элементов" и к идеологическому опустошению души подвластного ей народа.

Страшно, что большевики оккупировали наши Края, истребили сотни тысяч молодого, трудоспособного населения, коллективизируют наши замли, расстреливают лучших детей казачества. Но еще страшнее то, что они духовно разлагают нашу молодежь — нашу надежду на лучшее будущее. Если бы они ограничились только политическим террором, это было бы еще не самое худшее. Всех не перестреляешь, а репрессиями только пуще озлобишь против себя „массу" и заставишь ее сплотиться. Горе в том, что старшее казачье поколение, сознательное и сильное духом, постепенно покидает казачьи ряды, уходя на вечный покой, а молодые, свежие силы его место не пополняют.

На старшее поколение большевики махнули рукой, предоставив его естественному и искусственному уходу с жизненной сцены. Зато тем большее внимание они уделяют нашему молодняку, решив сделать его своим, красным. Все эти комсомолы, физкульты, всеобучи, да не в меньшей мере и трудшколы, единственной своей задачей имеют политическую обработку молодых, шатких душ, чтобы вырастить из них верных янычар, ру-

ками которых потом можно будет замести самую память о свободолюбивом Казачестве. Что это им иногда удается, бесполезно было бы отрицать. Молодая любознательность нуждается в духовной пище; пытливый, восприимчивый детский ум тянется к свету, к знаниям; накопляющиеся молодые силы требуют выхода в форме какой либо деятельности. Большевики щедрой рукой предлагают вместо пищи — отраву; вместо света — классовый туман; вместо знаний — опиум марксизма. Старый, обстрелянный казак всегда отличит, где пища, а где яд. Из него легче добыть душу, нежели сделать ее „красной". Увлекающаяся же молодость видит только внешнюю форму, часто не замечая ее содержания. Большевики ведь мастера и самому гнусному содержанию придать заманчивую внешность.

За тринадцать лет успел на Родине подрости молодняк. О лучших временах он не помнит, а советские соблазны манят... Дома часто куска хлеба нет, обуться и одеться не во что, а на советской службе все же сравнительно обеспеченная, гулящая жизнь с театрами, кинематографами, собраниями и прочими советскими „развлечениями". Над тем, что это жизнь большевицкого опричника, „красная" молодежь не задумывается. Сколько десятков тысяч казачьих семей лишились своих кормильцев: отцов, мужей, сыновей, братьев и проч. Семью сплошь и рядом вынуждена возглавлять женщина. Она не может справиться со своим хозяйством и с советскими оброками — куда ей еще думать о воспитании детей! И растут они, как бурьян в огороде. Воспитание свое они получают сперва на улице, позже — в советских рассадниках большевицкой заразы. Кто внушит ребенку, что он казак? Никаких книг, кроме партлитературы и прочего советского печатного навоза нет. Здесь могли бы благотворно повлиять старики, хранители казачьих традиций, но они теперь в загоне. В советских школах ребят учат не слушаться старших, относиться к ним свысока за ихнюю „классовую отсталость".

Больше десяти лет в Казачьих Землях ведется это безбожное растление молодых душ. Не принести плодов оно не может... Что, если оккупация продлится еще тринадцать лет? Вырастет новое казачье племя, казачье только по крови, с атрофированной душой и искалеченной моралью, незатронутое священным огнем казачьей родовой гордости. Вырастут не вольные духом казаки, вырастут Донские, Кубанские, Терские, Уральские и пр. „Ваньки", не отличающиеся от Ванек Московских, Тамбовских, Калуцких и иных пород. Казачьи области перестанут существовать, будет сплошная, от Таганрога и Екатеринодара до Яика и Оренбурга, территория расселения „рабоче-крестьянской" массы, имя которой — нерассуждающий, „сознательный" пролетариат.

Большевизм страшен не одной своей кровожадностью и беспринципностью. Он еще больше страшен своей выдержкой, настойчивостью и дьявольской системой.

По сообщениям „оттуда" мы знаем, что большевики проводят в наших Краях сплошную коллективизацию, на наши земли идут из России мужики, а вольных от седых времен казаков превращают в крепостных батраков. Не беда! Казак даже крепостной, все же останется казаком и его в конце концов сбросит: крепостное право не вечно. Но волосы встают дыбом, когда вдумаешься, что они закрепощают не только тело человека, но его ум, душу и мысль.

Рабство так же древне, как само человечество. Есть оно и сейчас в дебрях Африки, Южной Америки и Азии. Шестьдесят с лишним лет оно было и в культурной Америке. Но всегда и всюду об'ектом рабства являлось тело человека с его особенностями и способностями. Советский режим расширил понятие рабства, углубил его. Об'ектом красного рабства является не только физический человек с его мускулами, но и духовный с его чувствами, мыслями и идеями. Человека заставляют не только работать, его принуждают говорить, думать, понимать и хотеть в определенном направлении. Человек весь без остатка со своей душой становится казенным добром...

Где же выход? — В освобождении. В гибели большевизма. Можно его ожидать? Я встречал много суеверных людей, которые полагаются на несчастливое число 13 и предсказывают, что этот год будет последним для большевиков. Я не суеверен. Другие опять говорят, будто само время работает против большевиков. Скоро, мол, они обанкротятся... Голод уже на носу... Доведенное до отчаяния население сметет их... Тоже не верю, и не потому, что я пессимист, а оттого, что взрослому, трезвому человеку неудобно увлекаться иллюзорными надеждами. Время работает как раз не против большевиков, а за них.

Мне кажется, что большевики очень тонко разбираются в психологии народов, которым они надели красный намордник — в этом причина их удачи. Они правильно учли, что сам по себе человек большой цены не имеет. Но человек плюс его имущество — это уже персона. Она может быть опасна, а ее имущество может очень пригодиться. Нужно у человека отнять его добро и тогда он будет не опасен, потому что нищему друзей и сообщников трудно найти. И несколько лет ухлопали большевики, пока с кровавыми жертвами вычли из нашего населения его имущество. Теперь все обездолены, опролетаризованы, уравнены в нищете, исключая пришлой красной правящей аристократии — коммунистов. С нищими можно делать, что угодно, они не опасны! Большевики гонят остриженное, как мериносы, человеческое стадо в коллективное стойло — колхоз и оно туда идет. Сопротивляться — нет сил, а иногда и смысла. Человеческая гордость? Нищему гордым быть не полагается... Самолюбие? У батрака это вышло бы очень смешно... В колхозе хоть с голоду не помрешь, а на „воле" беспременно ждет смерть... Это старые, матерые, знавшие лучшие времена и вздыхающие по ним. А что молодняк — поколение родившееся и выросшее в неволе?

Добро различаешь от зла, поскольку эти понятия можно поставить рядом и их сравнить. В СССР осталось только зло, добро анулировано. Зла больше не существует, потому что оно заняло место добра. Молодые знают только плохие времена и не разбираются в ужасе наступившего лихолетия.

Можем ли мы, сидящие здесь, возлагать на молодое поколение какие либо чаяния? Это поколение духовно окрадено. Его мировоззрение материализировано без остатка. Духовные запросы для него непонятны и излишни. Всякое экономическое улучшение оно будет приветствовать, как достижение советского режима и будет благодарно ему. Молодое поколение будет верно служить большевикам, потому, что для счастья раба достаточно если он сыт, обут, одет и может удовлетворить свои животные желания. Хлеба и зрелищ! — будет лозунгом советских коллективных рабов. Благословенная почва даст рабам столько хлеба, чтобы утолить их голод, а советская власть предоставит им зрелища, чтобы утолить в них инстинкт любознательности...

Мы думаем, что естественным путем большевизм не изживется. Единственный путь к спасению — путь вооруженной борьбы. Судя по международному политическому барометру, вооруженный конфликт неизбежен. Он только еще не созрел... Чем раньше он настанет, тем скорее большевики сломают себе шею. Тогда, хотя и замученные, но не потерявшие еще своего лица народы теперешнего СССР, в том числе и Казачество, выступят против своих поработителей.

Чем позже это случится, тем меньше шансов на успех. Позже СССР вышколит и вымуштрует из своих невольников легионы красной армии, которые пойдут тупо умирать во славу III интернационала с древним возгласом: ave USSR, morituri te salutant!

А пока что, мы не можем оставаться безгласными зрителями совершающегося. Наша задача не дать угаснуть в молодых казачьих сердцах, в изгнании сущих и красным оккупантам под'яремных, еще теплящейся искре казачьего самосознания. Мы должны об'явить единый фронт по борьбе с расказачиванием нашего народа. Неутомимо, назойливо, как осенний дождь, в каждом переулке, на каждом перекрестке, днем и ночью нужно призывать: сыны Казакии, не забывайте, что вы — казаки, что у вас есть долг перед Родиной!

Нужно крикнуть и туда, через все границы и преграды, чтобы наши закрепощенные братья услышали: помните, что вы — казаки и мы о вас не забыли!

Довольно эмигрантских дрязг! Все на фронт по борьбе с расказачиванием! Создадим идейные ряды единого свободного Казачества и все без исключения станем в них. Руки, голова, голос, речь, авторитет, связи — все годится для нашего фронта. Кто пером, кто топором, кто лопатой, а кто песней и танцами — помогайте удержать наш боевой строй. Гордость от сознания своей принадлежности к Казачеству должна быть тем магнитом, который соберет около себя железные опилки Казачества, рассыпавшиеся по свету.

Казачество в опасности. Оно должно выдержать страшный красный шквал, обрушившийся на него. Оно и выдержит, если в наших умах будет жива мысль, что в наших жилах течет казачья кровь.

Думы и мысли.

Перелетные птицы.

Октябрь. Каждое утро из-за резко очерченных гор Биокова неторопливо выплывает солнце и так-же неторопливо совершает свой обычный, без единого облака, путь. Около полудня оно будто остановится и со все той же неизбывной энергией льет на море и приморье свое неиссякаемое тепло.

Светло синяя шерсть ровного, как зеркало, моря испещрена кривыми матовыми дорожками: то клочки, которых не коснулся даже и вздох ветерка...

Там и сям заснули парусники с лениво опустившимися белыми крыльями. —

Там и сям дремлют меланхолические кипарисы.

Тишина. Багрово-рдящиеся листья смокв и кока ярче оттеняют платину вечно родящих старух маслин и вызывающую молодость великанов дубов.

Нигде еще не видно „мертвых“ листьев.

Одна „бура“, что с Динарских высот ледяными каскадами падает на теплое корыто Адриатики, — и целая генерация вчера еще немолчно нашептывающих друг другу свою таинственную сагу жизни всевозможных творений упадут, разнесутся ветром по углублениям корявых камней, по драче, по зарослям дикой малины... Но — пока этого еще нет. И потому-то это пока так особенно прекрасно.

Всюду мир. Недвижны высокие утесы Ясеновца; недвижно море; недвижны кроны маслин; недвижны изгороди ярко-красных гранат. И даже нервные щупальцы огромной пальмы, что затеняет окно моей „собы“ в третьем этаже, не дрожат, как обычно; только, будто под тяжестью золотых лучей солнца, чуть-чуть опустились ее веера...

Не по осеннему много птиц — всех родов и пород. Но это не домашние. Это остановившиеся на отдых путники. Набираются сил для своего последнего перелета над морем. Деловито, без обычного гама, их хутора и станицы перелетают с места на место и — то рассыпаются по ливадам, то падают на дуб, отчего его жесткие листья, точно обрадовавшись, точно вспомнив весну, приветливо зашушукаются...

Свои приготовления к десанту „на тот берег“ оне ведут строго консперативно. Никто не увидит, как оне свяжутся в свои дивизии и оттолкнутся от дремлющей Адриатики.

Вот из лазурных высот упали короткие резкие крики запоздавших журавлей. Ковыряющий землю „тежáк“ разогнул спину, приложил к глазам козырьком руку и уставился в бездонную небесную синеву.

Журавли не сворачивают со своего шляха и не спускаются на отдых... перекликнулись, подсчитали силы и — широкими взмахами вперед.

Биологи стараются проникнуть в тайны птичьей психологии: почему летят? Зачем летят?.. Как не соб'ются с пути, беря такие огромные расстояния и как найдут довольно ограниченный район своего „местожительства“, а в нем свое гнездо?..

Во всяком случае не летят потому, что в пище настала „оскудица“, ибо ее к осени больше, чем с весны и летом. И не потому, что боятся холода, ибо многие улетают задолго до наступления холодов, а птичья молодежь и не знает, что такое холод. Как не знает и той своей „родины“, куда летит. Отлетают не потому, что оне не могут не лететь туда. Должны лететь туда...

Вот и я: акклиматизировался здесь, полноправный член народной „заедницы“... Все земные интересы вяжут меня с этой землей. А там — никого и ничего... Но почему и днем, в толчее нервной борьбы за насущный хлеб, и ночью, во сне, — я там, где у меня никого и ничего! Почему глядя на это прекрасное море, на залитый солнцем скат моего „завичая“*), одетый роскошью средиземноморской растительности, я острее, отчетливее вижу разницу Кубанской Земли, голые, кочковатые балки с лужами теплой воды, около которых сбились стада, или узкую дорогу-ленту между широкими гонами?..

Я не знаю: хочу-ли я вернуться туда, или нет. Часто мысленно ставлю себя в ту обстановку, где уж никого и ничего у меня нет. И — чувствую себя там одиноким, чужим... не уместным. Чувствую, что все и все относятся ко мне враждебно, что мне в станице нет места. Она занята и „закреплена 10-летнею давностью“ чужими, враждебными, совершенно непохожими на меня людьми...

Тогда из станицы, из ее изменившихся до неузнаваемости улиц, из домов, пропитанных чужим запахом, я иду в степь... Бросаюсь на невспаханную целину с редким высохшим пыреем и плачу и целую ее потрескавшуюся кору... прижимаю ее к своей груди, как теплое, нежное тельце родного ребенка... Взбираюсь на курганы, спускаюсь в балки, забираюсь в гущу камышей и куги... нигде никого и ничего... только нас двое: Родная Земля и я...

Да, меня влечет туда земля. Не как мертвая вещь, не как „собственность“, но как живое, бесконечно дорогое существо, как мать — и моя, и моей матери... Как мать миллионов умерших, погибших, растворившихся в ней моих предков...

Родная Земля!.. Волшебные, всемогущие слова! За них умирали и будут умирать миллионы и миллионы, пока не придет (если только когда придет!) время, когда человечество уподобится тому мудрецу, который на вопрос — где его родина — показал пальцем в небо.

„Діти мої...
Вас ця Земля на світ породила,
Кам'яниста, але ж ваша...
Діди ваші родилися тут,
Батьки ваші родилися тут,
И ви самі родилися тут...
За неї кращої у світі немає.
Діди ваші кров за неї проливали,
Батьки ваші кров за неї проливали,
Та й ви самі за неї кров лліте...
За неї кращої у світі немає...**)

Такими словами провожает старый пустынник — поп черногорцев в бой против турок:

— „За крст часни и свободу златну“.

Все земля и земля. И — кровь. Неразлучно это... И моя „тоска по родине“ есть тоска по Земле... Тоска по родимой Кубанской Земле. И не верю я, что есть хоть один казак, который тоскует по „общей“ геополитической родине. Ибо это — абсурд. Ибо тогда казаки из „обобщившихся“ не подчеркивали бы свою природность.

Море тихо. Теневые места на нем — точно темно-синие поля, а там, где оно освещено заходящим солн-

*) Местожительства.

**) Из поэмы: Смерть Смаил Аге-Матуранича.

цем — точно просыпанная по кристалу золотая пыль. Всюду мир. Бесшумно пролетели две небольшие стаи каких-то маленьких птичек. Очевидно, ищут ночлег. Только что смолк мелодический перезвон колоколов, сзывающих верных на молитву — привет: Ave-Maria.

Снизу, из-под зелени дубов, слышится нестройное детское пение:

... „Слику милу Истре тужне
Я у срцу носим свом..."

А мне точно кто сильною рукою сжал сердце, а перед взором встала не тужная Истрия, оккупированная итальянцами, а агонирующая на „Лобном месте" Казачья Кубань...

И — точно сверхприродно тихий, но заглушающий все надземные звуки, гул „потреса"*) донеслось:

— Слышите ли вы меня, Казаки?

Вл. Куртин.

Бухарестские письма.

III.

В городском саду.

Кому из нас, живя на чужбине, не приходилось быть невольным слушателем чужих разговоров? Я думаю, что многим. Большей частью бывает это случайно.

На днях, напр., сижу я в праздничный день в большом городском саду, над озером и слушаю как лягушки квакают. Сравниваю. Почти так же, как и у нас, в Николаевской станице, в Кривой Музге или в Подстепном, — только здесь немного по-протяжней. Скучно. Кругом ни одной знакомой души. Осенние листья шуршат под ногами. Думаю, Слава Богу, что хоть к зиме работу нашел. Как говорится „Бог не без милости, казак не без счастья".

Невдалеке послышался родной казачий разговор. Два донца присели на ближайшую скамейку. Незнакомые. Как видно, только что приехавшие из провинции.

— Да, да, дорогой мой, — продолжал один из них, как видно прерванную речь. — И Шах Персидский и Московские бояре трепетали перед нами и „туркам из Дона пить воды не давали" а „Під Сінопом люльки запалювали"... Все-то было, да прошло, как говорится, „быльем поросло"! А теперь клонимся перед всеми... Раскисли и размокли, как мокрые вороны!

— Что-ж делать? „Плетью обуха не перешибешь" — сказал другой, закуривая папиросу.

— Да „обуха" то того уж нет, про который ты говоришь! Остался один жиденький серпок с молоточком — перешибать то нечего! — горячился первый. — Вот такая наша казачья расхлябанность и неуверенность в самих себя — и погубила все наше Казачье Дело. Ты изменился до неузнаваемости... Ты раньше был как-будто бы другой? Я вспоминаю наш крестный путь отступления: как мы с остатками недобитых сотен... измученные... голодные, как затравленные звери, блуждали по Кавказским горам. Все было потеряно... надежды на спасение — никакой. Но дух казачий жил в тебе тогда! Ты помнишь ту последнюю ночь, в горах, когда в лесу среди костров от голода одну вареную конину ели казаки? Ты разбудил меня и говоришь: „Вставай, мы уж в скифов превратились"! Ты острил и бодрости духа не терял. В Константинополе, когда ты из лагеря бежал, староверский дьяк, казак-Некрасовец, из своей посуды пить воды тебе не дал, а крестом своим благословил... „Мужайся, говорит, брат, будь казаком. Мать Пресвятая Богородица под Покровом Своим сохранит тебя на чужбине"! Где-ж твое мужество? Ты размяк и раскис!..

— Ничего подобного, я и теперь такой же, только я, выражаясь по-военному, применился к местности. Я всю нашу казачью эмиграцию представляю никак иначе, как старинную нашу лаву: тут тебе звенья и подзвенья, крылья и подкрылки; один с коня стреляет, другой из под коня, а там в кустах идет отчаянная рубка с врагом, заманенным в „мешок".

— Ну да, это все так — перебил его первый — применяться к местности необходимо — беречь себя для рукопашного боя надо, но имей ты в виду, что казаки уж в сомкнутом строю пошли в атаку, а ты все применяешься к местности — лежишь себе под „русским кустиком"... Да и это бы еще не беда, а то стреляешь по своим.

— Стрелять то я, положим, не стреляю, но и от России не отделяюсь, — с несколько повышенной ноткой обиды в голосе, заметил второй. — Как я могу, в данный момент, отделяться от русских? Сам ты знаешь, что если бы не Иван Иванович Каблуков, так никогда бы я не был устроен на этом месте. А благодаря ему — я живу у него как у „Христа за пазухой" и мало о чем думаю. И впереди блестящая перспектива — я выгодно могу жениться на его племяннице.

— Вот тут-то и собака зарыта! вспылил первый, — Казачью Идею на бабу променял! Точь в точь, как в песне: „Только ночь с ней провожжался и на утро бабой стал".

— Ну, так, а чего-ж ты хочешь из меня сделать Стеньку Разина — чтобы я свою Верочку в воду бросил?! — С хохотом выпалил второй.

— Никто тебя не заставляет никаких Верочек в воду бросать! А я только хочу этим сказать, что вся наша казачья интеллигенция — слабая, дряблая и мягкотелая... Двухсотпятидесятилетний гнет Великороссии на Казакии — сказался. Больше всего он отразился на ее интеллигенции. Под влиянием чужой литературы и истории — она забыла все свое, казачье... Простой же казак — наоборот, он остался целым и самобытным. Его литература — казачья народная песня, его история — казачья старина, передаваемая из уст в уста, из поколенья в поколение.

— Да разве казаки, бывало, не пели русские песни? — возразил второй — да еще как! — со свистом!

— Конечно, пели, по заказу — русско-солдатские: как „Царь Салтана побядил, да крестьян аслабадил". Сами-же их пели, сами и освистывали. Поют-же сейчас дома „интернационал", а попробуй-ка не запой? Так заведешь где нибудь в Соловках не своим голосом. Вот и поют. А как „начальствие" разойдется — так и говорят: „а нука, Куприянович, заводи-ка там „нашавскую". И Куприянович затягивает:

„Ай да, как на речушке-то было,
Скажем, братцы, на Камышанке,
Собирались там Люди Вольные".

И поют втихомолку, „чтоб Буденный не слыхал".

Поют в курене, в бурьяне, под возом в степи, в камыше. Пели, поют и будут петь! Потому что песня „нашавская", а не „русацкая"!

— Так по твоему, значит, во имя Казакии нужно отказаться от русской песни, от литературы, от Толстого, Пушкина и Достоевского? — с иронической улыбкой заметил второй.

— Не отказаться, а сначала научиться любить свое, Казачье, а потом уважать чужое, русское! Так, как уважают англичане — Толстого, как русские — Шекспира, как французы — Шиллера и как немцы — Виктора Гюго. А не нужно „гоняться за звездами небесными и топтать цветы полевые"... Если ты казачий поэт, писатель или журналист, зачем ты лезешь в дебри Суздальской Руси искать былины и легенды? У тебя свое Дикое Поле и Запорожье — полны боевых легенд и сказаний, — красивых и бурных, как сама история Казакии! Зачем ты идешь в Москву Белокаменную — зазираешь в боярские терема с „красными девицами"? — Твои Степные Курганы подревнее Москвы с теремами!

В родных городках — больше драмы, любви и трагизьма; прибрежный камыш споет тебе песню о казачке молодой, увезенной черкесами в плен; терновый куст расскажет сказку-легенду о красивой татарке, соблазненной казаком: каждый кустик, балка, ерик, буерак расскажет о Старом и тайну поведает тебе о Былом... А, у нас, казаков, если заведется какой нибудь поэт или писатель, так он вместо казачьей бурки иль лампаса — воспевает гусарский доломан, и не казачью Столицу, а Петербург или Москву, — все идет шиворот на выворот! Казачий журнал — „Родимый Край", — название такое милое, родное — степью пахнет, а развернешь... читать нечего. То о Кутепове плачут, то

*) Землетрясение.

о „матушке“ России вздыхают — и ничего своего, казачьего. А если и есть что нибудь — то только насмешки над казаками: „Как лягушек триножили“ да „сучку пороли“ и проч. ерунда... Обидно... больно... до глубины души... до слез.. Да неужели-же мы, казаки, всю свою бурную, многовековую историю только и занимались тем, что „сучек пороли“ да „лягушек триножили“!

Да не всегда-же, милый мой, все плакать да плакать, нужно-ж и посмеяться над кем нибудь, — так сказать, для разнообразия журнала, — вставил его приятель.

— Смеяться и плакать, — нужно знать где, над кем и когда! А мы плачем по чужом и смеемся сами над собою! Вот автор „Таганрога“ в восьмом номере „Родимого Края“ — казак, прикрывшись псевдонимом, плачет по русском императору, скрывшемся от „своего“ народа, переодевшись в платье мужика... А не заплачет о погибших казаках, посланных его отцом, полуумным Павлом покорять Хиву и Бухару и далее в Индию — по стопам Александра Македонского! И словом не обмолвится, как устилали они своими трупами безводные степи Туркестана, веденные на верную гибель черезчур службистым и слишком верноподданным графом Платовым!

Автор плачет и не знает о ком. Скончался ли, говорит, Александр Первый или его несчастный, избитый шпицрутенами, солдат-двойник...

Бедный казак!

Да казачья народная песня знает и со стоном говорит:

„Ой в Таганроге... в Таганроге...
Салучилася беда...
Ой... там убили... отравили...
Млад-донского казака...

Не засеченного русского солдатика положили в царский гроб, а отравленного донца-казака! Не русского, — русским не подменишь!..

В кабинете Александра он благоговейно умиляется перед его парадным мундиром и высокими ботфортами, а не снизойдет в подвал Старочеркасского Собора и не склонит благоговейно голову в том сыром углу, где стонал, закованный в цепях, самый лучших из казаков и храбрейший из Атаманов — Степан Разин!

Он ищет храм, где покоится сердце императора, а не спросит, где тот дом-храм, на стене которого распят был Булавин!

И много вот таких наших казачьих писак, выбивающих „Комаринского“ под русскую балалайку. Пора бы им уже кончить свою позорную свистопляску под чужую музыку, а пойти бы к казакам и сказать: „Станичники, выпорите нас хорошенько... так что мы... тавос... не распознали „Комаринскую“ от „Наурской“ и „Трепака“ от „Казачка“.“ — И тем бы дело кончилось. Или-же прямо — взяли бы да и заявили, что — „мы, такие-то и такие-то казаки — теперь уже не казаки, а во имя „Единой“ „Неделимой“ „Матушки“ России, для всеобщего ее равенства — не отделяемся от нее и отныне именуемся русскими крестьянами“.

И было-бы хорошо!

„Пустая трава — с поля долой“!

Не было-бы с ними никакой тогда путаницы ни нам, ни русским!

А то в том-то и беда, что все мы идем под одним Казачьим именем, а под разными знаками; и под каким знаком кто идет, под знаком чорта или Бога — трудно распознать!

— А откуда ты знаешь, что направление „Родимого Края“ и его сотрудников не нравится казакам? Ты все меряешь на свой „аршин“ — сказал вдруг его приятель.

— Знаю я, вижу и слышу! Вот хотя бы сегодня, в том ресторане, где я поджидал тебя, сидят два донца. Один из них в полголоса читает „передовицу“ „Родимого Края“ (кажется восьмого номера): „Кадры казачьих воинских частей входят в Обще-Воинский Союз“. Ну, думаю, „опять двадцать пять“... Вдруг слушавший казак оборвал его, ударив кулаком по столу, запел, как то дико заревел: „Сусанин .. Сусанин... куда нас ведешь“?

И в этом последнем „ведешь“ было столько излито муки, скорби и обиды... к кому все это относилось?.. К автору-ли передовой статьи, или журналу, или к обоим вместе?..

— А чего ты сегодня так расходился о Казакии? Как будто у тебя нет другой темы.

Вот этот тип, — кивком головы указав на меня, — давно уже посматривает на нас. Может быть он русский? — еще и обидится.

— Боже мой, — подумал я, — „свои своих не познаша“. Приподнялся и говорю: „здорово дневали, станичники! Каких станиц будете“?

Но в это время, две молоденькие дамочки, „как дождь на голову“, свалились перед нами. Откуда их бес вынес? Такая досада!

— А, вот куда вы запрятались, — защебетали они, обращаясь к моим соседям. А мы вас ищем на Главной аллее. Пойдемте ближе к радио и займем поскорее места, — будем слушать Прагу.

Донцы переглянулись и, улыбаясь, встали...

...Я остался один...

Бухарест, 15-X-1930. **Сергей Маргушин.**

Казачьи настроения.

Истекший август месяц прошел в необычайном оживлении среди Донской казачьей эмиграции Парижа.

Зашумело, заволновалось казачество, начиная от рядового-трудового и кончая представительствующей, „самодавлеющей“ верхушкой, с ат. Богаевским и Мельниковым во главе.

Причиной этого оживления послужил призыв инициативных групп к об'единению казаков и созданию Донской казачьей станицы в Париже.

Я не буду описывать истории возникновения этих групп, их деятельности по созданию станицы и состоявшиеся затем собрания казаков; все это известно до некоторой степени читателям из статьи „Казачий Париж в августе 1930 г.“ („В К.“ №. 65). Я хочу лишь поделиться теми настроениями казаков, которые всегда, так ярко проявляются и чувствуются в подобных случаях, а также при встречах и разговорах между собою.

Настроения эти очень характерны ибо они отражают думы и мысли если не всего казачества, то большей его части, т. е. тех казаков, которые еще не погрязли в тине житейской повседневщины и не растворились в окружающей их среде и обстановке, которые еще не умерли духовно, а продолжают жить мыслью, что когда нибудь наступят дни, мы вернемся в наши родные Края и будем строить нашу новую казачью государственность. Это самая живучая и, можно сказать, самая активная категория казаков. После встреч и разговоров с ними, на душе остается отрадное впечатление и вливается новая струя надежды на светлое будущее. Все они в один голос заявляют:

Довольно! — 10 лет изгнания и скитаний на чужбине не прошли для нас даром. Мы теперь научились многому, чего раньше не знали, многое открылось нашим глазам, чего раньше не замечали и даже не старались останавливать свое внимание. Теперь мы видим многое, что казалось нам когда-то не ценным и что теперь это стоит беречь, охранять и к нему стремиться, и такое, что когда-то для нас было превыше всего, оказывается теперь неимеющим абсолютно никакой цены, больше того, даже вредно и опасно для будущего.

Что-ж, всегда на ошибках и опытах прошлого строится лучшее будущее.

Неужели мы — казаки хуже других народов, культура которых стоит гораздо ниже нашей, а некоторые из них не имеют ее совсем? Борьбой или счастливым стечением обстоятельств освободились они от бывших опекунов и живут самостоятельной государственной жизнью.

Нет, мы не хуже других и опыт 1918-19 г. показал, что мы великолепно справлялись с государственными задачами, да еще в такое трудное и тяжелое время „гражданской“ войны.

Жизнь идет и все меняется на свете. И не в первый раз меняется карта Европы. Была Великая Рим-

ская Империя, был один общий язык, на котором говорило почти пол-мира, а теперь где все это? Уже давно на развалинах Римских основались новые государства и живут новые народы. Умерло государство, умер его и язык и от Великой Империи Римской осталась одна Италия.

Чем же отличается в этом отношении Россия? — Тем, что занимает $^1/_6$ часть мира, а управлять ею не может. Лучше быть маленьким да сильным в экономическом и культурном отношении государством, чем огромной полупустыней, с неменьшей половиной полудикого населения.

Так или иначе, а старой России в ее прежних территориальных границах не бывать; да еще теперь после большевицкого опыта возможность ее расчленения усилилась больше, чем когда бы то ни было.

Народы, угнетенные и порабощенные, какой ни на есть — большевицкой ли, коммунистической, но все же Россией и ее властью, властью, которая в своем издевательстве над всем, что есть святого в человеке, своей алчностью, кровожадностью и уничтожением превзошла все существовавшие когда либо власти, эти народы свернут ей голову и уже к России больше не пойдут. Россия, в лице своей последней власти, сама научит эти народы жить самостоятельной жизнью. И мы, казаки, к этому должны быть готовы.

Одно только смущает наши думы. Не видно что-то во главе нас тех, кто нас может приготовить должным образом к этому новому, трудному времени.

Многие уже выбыли из строя, в других мы разуверились, иные совсем изменили великому делу служения Казачеству и перешли в лагерь, где „Великая Россия“ ближе и дороже им седого батюшки Тихого Дона, ограбленного и изнывающего на каторге в Нарыме или Соловках, т. е. в той же „матушке“ России, и за его когда то службу ей верой и правдой расстреливаемого в темных подвалах Г. П. У.

И кто же в том лагере!? — Сам наш атаман, избранный Вольным Кругом славного Войска казачьего.

Атаман! — слышишь ли ты? Это голоса сынов вольного Дона, того Дона, которому ты присягал и клялся служить верой и правдой перед Христом и святым Его Евангелием. Эти голоса говорят, что ты изменяешь своей клятве.

Мы верим, что дело наше правое, а правое дело защищать борцы найдутся. Война родит героев, а время и исторические события в жизни народов являют миру вождей, отмеченных перстом Божьим. Известно всем, что Казачество тоже не мало дало своих героев и вождей в дни великих исторических эпох. Верим также, что и теперь мы не останемся одни, голос наш услышат те, кому идея вольной и свободной жизни так же близка и дорога, как и нам.

Октябрь, 1930. Париж. **А. Тульцев.**

Казачье колонизационное дело.

Казачья эмиграция может быть сохранена от распыления и расказачивания.

Накануне выхода в свет этого номера, Казачий Колонизационный Комитет получил от своего уполномоченного инж. Терещенко извещение, что переговоры, ведшиеся в Нью-Йорке и Вашингтоне по колонизационному вопросу, закончены успешно.

14 октября в Нью-Йорке подписан договор об учреждении особого „Американско-Славянского Колонизационного Треста“ с капиталом в 55.100.000 долларов (около одного миллиарда восьмисот миллионов ч.-сл. корон, или около трех миллиардов динар, или около одного миллиарда четырехсот миллионов франков).

Договор подписали: г. Мансветов (представитель русской эмиграции, гл. обр. Д.-Вост.), инж. Терещенко (представитель Казачьего Колонизац. Комитета), г. Ней — представитель Канадских духоборов, от американцев — г.г. Сейперо и Бекер.

Капитал Треста делится на: акционерный — 5.100.000 долл. и облигационный — 50.000.000 долл. (распределяется на американском и английском рынках). Акционерный в свою очередь делится на две части: одна 20.000 акций по 5 долл. на сумму 100.000 долл. распределяют между собою эмигрантские организации, заинтересованные в колонизации. Каждая акция этого типа имеет 50 голосов. Другая часть — 5.000.000 долл. — акции от 5 до 50 долл. распределяются на рынке (берут американцы). Каждая акция имеет 1 голос. Таким обр. число голосов обоих групп акций одинаково.

Колонизация намечена в Мексике, Техасе и Канаде. В последних двух странах одним из решающих моментов, еще не вырешенных, явится вопрос виз.

Подписавшие договор выехали в Мексику для непосредственных переговоров с Мексиканским пр-вом.

После того, три или четыре человека из них приедут в Европу, где соберется с'езд (вероятнее всего в Праге) представителей организаций, заинтересованных в колонизационном деле. Этому с'езду будет представлен подробный доклад о всей предыдущей работе. С'езд окончательно сформирует совет директоров Треста и выберет делегацию для поездки в Америку для ознакомления на месте со всеми условиями и для осмотра намеченных земель. Только после того, как делегация выберет земли, они будут куплены и начнется переселение.

Уже сейчас из Нью-Йорка послана специальная комиссия из инженеров и агрономов для предварительного осмотра участков и для составления плана необходимых мелиорационных работ и пр.

В этой схеме казаки участвуют как равноправный, самостоятельный, но союзный член всей „комбинации“ („федерация“), наравне с русскими, старообрядцами, духоборами, украинцами, белоруссами и др. Казаки, т. обр. получают определенное число мест и в Совете директоров Треста и в делегации, т. е. получат доступ к непосредственному руководству этим колоссальным предприятием.

Если делегация выберет и одобрит намеченные земли, весьма возможно, что первыми колонизаторами поедут: казаки, часть дальневосточной эмиграции (непосредственным предста-

вителем которых является Мансветов) и старообрядцы из Прибалтийских государств.

При поселении каждая группа селится отдельно. „Смешение“ исключается. Т. обр. казаки будут иметь свой „штат“.

Казачий Колонизационный Комитет, участвующий в этом деле, еще раз подчеркивает, что он ведет эту акцию одинаково для казаков всех Войск и вообще уроженцев Казачьих Земель. Ведя это дело на платформе чисто деловой, мы в этом вопросе не делаем разницы между вольными казаками и не вольными казаками. Мы хотим, чтобы это дело стало делом всей казачьей эмиграции и с своей стороны все для этого делаем: двери колонизационного дела открыты для всех: казаков, калмыков, „иногородних“ — без различия их политических убеждений.

Мы считаем, что перед всей казачьей эмиграцией стоит сейчас колоссальная организационная задача. Если она будет успешно решена и дальше, то тем решится не только судьба и будущее казачьей эмиграции. Можно будет с большой долей правдоподобности надеяться, что решением сегодняшнего вопроса будет получена возможность решить в будущем еще более важную задачу — задачу экономического восстановлениия Казачьих Земель после освобождения их из под нынешнего Московского большевицкого ига.

Как только получим полный доклад инж. Терещенко, — в следующих номерах ознакомим наших читателей со всем этим делом подробнее: „Предпосылки“ же нашей колонизационой работы были уже помещены в предыдущих номерах „В. К.“, в частности в № 63-64, на стр. 28.

Казачья эмиграция.

Кто перекидывает мостик от кубанцев к ген. Миллеру?

В Париже вышел № 7 издающейся и редактируемой Е. Коноваловым „России“, посвященный Кубанскому Казачьему Войску.

Не всякий разберется, в чем тут дело. Но кто знает „секрет полишинеля“ о „близости“ издающейся Коноваловым „России“ к „Обще-Воинскому Союзу“, для того совершенно ясно, что кто то перебрасывает „мостик“ от некоторых ктбанцев к этому союзу. Кто же и зачем это делает?

Группа казаков Есауловцев в Томашеваце.

Праздник у Есауловцев.

... По примеру прошлых лет, Донская казачья станица Есауловцев в кругу своих одностаничников и соседей-казаков села Орловата, скромно, „по-заграничному“ а вместе и радостно отпраздновала Всеказачий праздник — в селе Томашеваце.

Звуком колокольного звона местной сербской церкви было возвещено казакам о начале молебна.

После молебна была отслужена панихида по безвременно умершим, в смуте убиенным, и на поле бранном живот свой положившим казачьим вождям и казакам.

Вечером была устроена „будничная“ казачья вечеринка — трапеза. Было высказано много хороших пожеланий. Казачеству — скорое возвращение к себе домой, в свободные — Казачьи Края, чтобы следующий сей пир пировать у себя дома, в родных станицах и хуторах, где так гордо будет развиваться Казачий Флаг.

Г. Алферов.

Казачий праздник в Бечкереке и Панчеве.

В виду того, что день Покрова Пресвятой Богородицы припадал на вторник, а большинство казаков в будни заняты, то празднование этого дня перенесли на субботу 18 октября, когда от работы казак освобождается раньше, а на другой день свободен.

Благодаря этому на праздник собралось довольно значительное число казаков. Правда, не под звон своего соборного колокола, но все же радостные и довольные собрались казаки, чтобы хоть на час забыться в родном кругу от тягостей повседневных работ на чужбине.

После общего молебна, гостям было поднесено по чарке водки. Атаман станицы сказал много хороших пожеланий Казачеству и выразил сожаление о тех, кто не может праздновать в этот день, раскиданные по одиночке по свету или закабаленные под советской властью.

По приглашению как Атамана, так и самих казаков представитель „В. К.“ Алферов тоже был на этом празднике и, поздравив казаков с праздником, выразил свою радость, что несмотря на десятилетнее скитание на чужбине, в трудных условиях жизни, казаки не забывают своих обычаев и по старинной традиции собрались отпраздновать, как позволяют обстоятельства, свой праздник. Затем он в энергичных фразах выразил уверенность, что Казачество жило, живет и будет живо. Слова его покрылись криками „ура!“.

После него Милош Станиславович — серб, профессор гимназии рассказал несколько характерных эпизодов из истории Казачества, коснулся личностей Ермака, Каледина, выразил уверенность в силу духа казаков и живучесть казачьей воли...

Пелись казачьи гимны, песни, откалывали лихого „казачка“... Только наступающее утро заставило казаков разойтись по квартирам.

Так праздновали казаки-донцы в Великом-Бечкереке и точно так же праздновали и казаки-кубанцы в Панчеве. Только взамен рубах, здесь черкески, кинжалы, папахи, заместо „казачка“ — „наурская“, „лезгинка“ и прекрасные кубанские песни, гимны... Надо сказать, что в сохранении своей формы, кубанцы крепче донцов, почти у каждого сохранилась черкеска и все

Группа казаков донской имени Каледина станицы в г. В. Бечкерек во главе со своим атаманом Б. Упорниковым.

принадлежности. Все поголовно в Панчеве наперерыв спрашивали журнал „В. К." и найденный у меня номер читали вслух. Представитель „В. К." Алферов был и здесь, выступал с речью, поздравлял, был радушно принят и угощен братьями кубанцами.

(Соб. кор.)

В Париже.

На казачьем собрании 1 ноября, после короткого обмена мнениями, собравшиеся выслушали устав „Общества Ревнителей Казачества", и приняли его без возражений. Таким образом, в Париже начало существовать „Общество Ревнителей Казачества".

Председателем Общества избран Е. М. Якименко.

Лозунг Общества: „Судьба Казачества в Его собственных руках".

(Соб. кор.).

Кубанская станица в Париже.

26 октября, на состоявшемся сборе Кубанской станицы в Париже, при перевыборах, атаманом станицы единогласно избран полковник А. Жуков.

Письма из Америки.

1. Из Северной Америки.

... В Нью-Йорк я приехал *** августа... Здесь нет того порядка и чистоты, к чему мы привыкли в Чехии, но зато здесь есть хорошие стороны, чего нет не только в Чехии, но, пожалуй, и в целой Европе... По приезде сюда, я дней 10 был без работы, а потом при помощи наших казаков устроился на малярные работы, как помощник мастера. На этой работе пока что нахожусь по настоящее время... Первое время получал 3 долл. в день, а потом 3.50 долл., сейчас получаю 4 долл. Это минимальная плата, — мастера получают 7-8 и более долларов. Но нужно сказать, что на эти деньги можно не только скромно жить, но даже кое что откладывать на черный день.

Какие перспективы дальше? Специалистам самой различной специализации здесь можно устроиться на службу, но для этого надо знать английский язык, чем я в данное время усиленно занимаюсь. Изучивши язык, думаю через год работать по своей специальности агронома... (Пишет молодой инженер-агроном).

Морально я чувствую себя хорошо; квартирный вопрос и питание тоже хорошее...

2. Из Южной Америки.

а. Письмо оптимистическое.

... (Пишет казак инженер из Чили): В августе с. г. я покинул Бельгию и через Францию прибыл в Перу... Еще по дороге узнал о перевороте... Сделал визит ген. Павличенко... Я понял, что мне нет никакого смысла оставаться в этой стране. К тому же эмиграция казаков в Перу провалилась... Ген. Павличенко в настоящее время находится в Лиме, хлопочет об обратном бесплатном от'езде казаков в Европу. Сам же он просил меня информировать его о Чили и об Аргентине, куда он хочет уехать по отправке казаков в Европу...

12 сентября я прибыл в Вальпарайзо (в Чили)... Пришлось задержаться здесь на неопределенное время, т. к. нашел здесь своих знакомых. Попал в круговорот и... в чилийские журналы... В Чили русских нет, а о казаках слишком смутное представление...

Чили страна индустрии; много хорошей земли пустует и правительство дало разрешение заселить некоторые участки немцам... Им выделяют самые лучшие земли, без тропического леса и малярии; последняя здесь не существует, ибо климат здесь такой же, как и в центральной Европе...

Завтра буду у министра (как частное лицо)... Постараюсь узнать взгляд его на нашу колонизацию, ибо эта страна и по климату, и по культуре подходит...

б. Письмо пессимистическое.

Дорогой Н. Н.

... Ты прости меня дорогой, что так долго ничего не пишу. Я никогда не забуду твоего слова: „сиди и не рыпайся". Да, нужно было бы сидеть в Польше и не рыпаться. Правда, увидел свет и расширил круг наблюдений над всюду многострадальной жизнью, — вот и все, а устроиться так, как хотел, не устроился и не устроюсь.

Во-первых потому, что ни земля, ни люди ее населяющие, ни леса, ни небо не по вкусу, а во-вторых сама по себе жизнь здесь скотская не только у бедняков, но и у богачей. Это государство, где нет ни песни, ни сказки, ни музыки, ни Бога.

Здесь все ощущается и познается только кожей и желудком и с этой точки зрения рассматривается человек и оценивается. Вся Америка принадлежит нескольким богачам, а все остальные у них в услужении до президентов и правительств включительно. Законы хоть и есть писанные, но они существуют только для тех, кто их пишет, а население живет обычаями, уста-

новленными веками древней католической Испанией и некогда свирепых мавров. Убить здесь ничего не стоит, лишь бы был соблюден обычай.

Скажи всем, желающим выехать в Америку в надежде здесь разбогатеть — пусть лучше сидят на месте и едят то, что имеют. Многие, из приехавших сюда и привезших кое-какие сбережения, все потеряли буквально, а если и есть единицы, выбившиеся кое-как на дорогу, так это именно единицы и то живут не здорово, а их капиталы не более 2-3 тысяч долларов. Хорошо еще было 5-8 лет тому назад, а теперь абсолютно невозможно жить и не даром, кто только заработает на билет, возвращается обратно.

Я семь месяцев прожил в Бразилии. Побывал во всех ее штатах, а потом, по случаю революции, полной безработицы вследствие промышленного кризиса, пришлось бежать в Уругвай и вот здесь живу 6 мес. тоже без работы и... накануне революции; я уже в случае невыдержки наметил побег в Парагвай. Если удастся заработать хоть немного денег, думаю вернуться в Европу, но это также трудно осуществить.

Беда в том, что нечем заняться и нет заработков. Кто имеет деньги и мечтает о земле, пусть едет во Францию там с деньгами можно устроиться и лучше и дешевле. Здесь не только земля, но и воздух заражен всевозможными ядовитыми для человека микробами, москитами. Существую сейчас кое-как торговлей, которой никогда в жизни не занимался, да без денег и она ничего не дает. Я очень жалею, что не остался во Франции. Тогда имел 200-300 долларов, а теперь нет ничего. Из дома пишут самые ужасные вещи: недавно погиб племянник, а теперь и родной брат, остался один полуслепой отец. Что делать не знаю.

Сообщаю цены на землю в Уругвае; вокруг Монтевидео от 200 до 500 долларов за гектар, а аренда за 25 долларов за гектар. В расстоянии 50-100 верст от Монтевидео цены на землю 250 долларов за гектар, а аренда 15 долларов, а еще дальше от центра уже значительно дешевле: от 80 до 150 долларов за гектар, а аренда от 5-12 долларов. Есть хорошие земли, но сравнительно с Европейскими урожайность все же ниже. Бразильские земли плодороднее, но условия жизни труднее и климат хуже. В Аргентине хорошие земли заселены, а на плохие никто не едет. Как обстоит дело в Парагвае не знаю, но земля дешевле, так как страна замкнутая и не густо населенная. Говорят, что 1 гектар с лесом можно купить за 8 долларов, а то и дешевле. Лес богатый и ценный, но некуда вывозить.

(Пишет старый уже офицер). М. М.

В Казакии.

Журавли.

Жалобно ветер осенний шумит, стая пернатых на юг уж летит, крики прощальные слышны вверху, — быть обещают за год на весну. Вот и последний отряд улетел, крики замолкли; и ветер осел; только камыша Кубань все шумит, мелкий дождь туманом стоит.

Серое небо угрюмо глядит, сердце сжалось и больно болит, ветер холодный, да мрачное небо — вот что осталось нам неизменно... Грустно повстанец вслед птицам глядит — мрачные думы вы, птицы, возьмите, братьям нашим вы их отдадите там, в перелете, над чужой землей... Что же? дождемся когда-ль мы ответа?..

Видно не знают заботы они; на зиму остались мы все одни... Голодно, голодно в камышах, нет нам патронов, нету и хлеба, кто же поможет нам в тяжкое время, кто же вольет в изнуренное тело бодрости духа? Только и надежда, братцы, на вас: дайте не згинуть Казачьему духу в эту тяжелую нашу минуту, дайте-же посильную вашу лепту на нашу казачью общую нужду, — мы-же не жалеем душу свою что-б отстоять вольность свою!

(С.-Америка). А. Аникушин.
Октябрь, 1930 г.

Раз'яснительная работа и руководство по-большевицки.

Разница между начертанием и произношением у англичан настолько велика, что, подсмеиваясь над ними, французы иногда говорят: если у них написано — Лондон, это еще нисколько не значит, что так надо и читать; когда то же слово прочитает англичанин, у него непременно получится — Манчестер.

Нечто подобное, а то еще и в большей степени наблюдается и у большевиков, хотя русский язык и не допускает такой свободы в обращении с написанным. Тем не менее большевики, подобно „шпане“ (мелкие воры и жулики), изобрели свой особый жаргон, на котором общепринятые слова и понятия имеют совершенно иное значение.

Например. Не только в Европе, но и на русском языке слово свобода обозначает возможность для всех граждан государства свободно мыслить и высказывать свои мысли и в семье и в обществе, и устно и письменно; свободно устраивать собрания для свободного обмена мнениями; свободно организовать общества и союзы для распространения своих идей и убеждений и для более действительной защиты своих интересов против всех, кто бы им ни противостоял, — разумеется, в пределах, установленных законом. У большевиков, на их жаргоне, также имеется слово свобода. У них оно также пользуется большим уважением и любовью, и свое государство они называют не иначе, как „самой свободной и самой демократической республикой в мире“. Но беда в том, что они вложили в это слово новое и настолько своеобразное содержание, что для покоренных ими народов оно превратилось в... свою противоположность. Свобода в большевицком понимании обозначает полное и ничем не ограниченное право и возможность для московского советского правительства приказывать и командовать населением оккупированных ими Земель, распоряжаться его трудом и достоянием по своему произволу и вдохновению.

Или возьмем понятие — союз. Под союзом обычно разумеют свободный договор равных, — отдельных ли лиц, общественных ли организаций или государств, — все равно. У большевиков же это понимается совершенно иначе. Относится это прежде всего к СССР. Правда, союз под руководством одного из союзников это — нечто не совсем суразное, но тем не менее все же — союз ведь. В союзе, например, германских государств более заметная, даже преобладающая роль принадлежит Пруссии. Но это — все-таки союз, и в Саксонии или в Баварии Пруссия не может хозяйничать, как у себя дома. У большевиков же „союз“ СССР превратился в „союз“ цыгана с медведем, где связующим звеном является цепь, один конец которой находится в руках у цыгана, а другой... продет в ноздрю медведя.

Приведем маленький, но совершенно конкретный образчик большевицкого „руководства“ в Казачьих Землях.

До НЭПа большевики третировали кооперацию, как мелкобуржуазную торгашескую организацию, и если не ликвидировали вполне, то ограбили ее, что называется, до нитки. Несмотря на это, а может быть и вопреки этому, наш казак-хлебороб сохранял свои кооперативы, особенно кредитные и сельско-хозяйственные товарищества. Хотя большинство членов и рассыпалось или числилось лишь на бумаге, все же почти все сельскохозяйственные кооперативы в наших Краях продолжали существовать, об'единяя вокруг себя наиболее сознательных кооператоров, прошедших многолетнюю практическую кооперативную школу еще до войны и революции.

Почти накануне своей смерти, в 1923 г. Ленин открыл свою последнюю Америку: путь к коммунизму лежит через кооперацию. Большевики, до того совершен-

но не вмешивавшиеся во внутреннюю жизнь кооперативов, решили теперь „руководить“ ими. Как только была введена новая, устойчивая червоная валюта (с 1 января 1924 г.), они приступили к делу.

В станице Н., на Кубани, они так осуществили свое „руководство“. В феврале 1924 г., недели за две до годичного общего собрания, когда членам товарищества уже были разосланы повестки, в правление вдруг поступает свыше 50 заявлений о вступлении в сельско-хозяйственное товарищество от рабочих „госмельницы“ и „госшерстомойки“. В день собрания в товарищество явилось „в организованном порядке“ человек около 70 рабочих во главе с... председателем местного исполнительного комитета и секретарем местной же партийной организации. Как только собрание было об'явлено открытым, представители администрации и партии выступили с приветственными речами на тему о необходимости и благодетельности для хлебороба его „союза“ с „пролетариатом“ и предложили сейчас же еще до выборов президиума, принять в число членов товарищества всех явившихся рабочих. Вполне резонно им возразили, что до тех пор, пока не избран президиум, собрание не может решать никаких вопросов, а кроме того, на основании устава товарищества требуется, чтобы желающий быть принятым оплатил хотя бы вступительный взнос (пуд пшеницы), чего не сделал ни один из подавших заявления, хотя их и предупредили об этом. У „гостей“ это вызвало бурю негодования, со всех сторон понеслись крики: „А, так вы против союза с рабочими!? Белогвардейцы, контрреволюционеры, бандиты!

Председатель исполкома рукою отстраняет председателя совета товарищества, открывшего собрание и пока руководившего заседанием, становится на его место и предлагает:

— Товарищи, коммунистическая фракция предлагает следующий список президиума... Кто против? Нет... Избран единогласно! Прошу, товарищи, занять места президиума...

Теперь уже поднимается шум среди казаков, членов товарищества. Коммунист — „председатель“, он же — председатель исполкома, „приглашает“ успокоиться:

— Товарищи хлеборобы, прошу успокоиться, иначе немедленно же будет вызвана милиция!

Хлеборобы, разумеется, „успокаиваются“ и... покидают заседание.

Через полчаса в президиум поступает около 80 заявлений о выбытии из состава товарищества. Собрание тем не менее продолжается, избирается правление, совет, ревизионная комиссия — все, как полагается по уставу. Во всех этих органах „избранными“ оказываются и по одному казаку-хлеборобу. Это — те, кого с ненавистью и презрением называют ширмачами, кто за возможность получения жалованья предаст общие интересы казачества, изображая собою ширму, за которой действуют большевики.

Так в станице Н. было осуществлено „руководство“ сельско-хозяйственным кооперативом. Так примерно, во всяком случае по тому же плану оно было осуществлено не только в соседних станицах, — Барсуковской, Баталпашинской, Отрадной, — но везде и всюду.

— Ну, что же, — могут подумать многие, — понятия: свобода, союз, руководство — весьма гибкие и растяжимые понятия, и не надо обладать большим политическим бесстыдством, чтобы придать им в одной стране значение иное, чем понимают их в другой. Понятия эти в Англии или Швейцарии имеют далеко не то значение, какое им придается, например, в Афганистане или Эфиопии. Чем культурнее, политически развитее народ, тем шире и богаче содержанием его политические понятия, тем требовательнее он к своему правительству и внимательнее правительство к его правам.

Вот, если бы так подумал читатель, это значило бы, что мы нашим рассказом даем слишком бледное и слабое представление о том, как в действительности идет жизнь в наших Краях под властью большевиков. Поэтому нам придется привести еще несколько примеров того, как большевики могут извращать даже самые простые, самые невинные, казалось бы, понятия.

Возьмем хотя бы такие простые слова, как: раз'яснять, раз'яснительная работа. Что в них особенного и как можно превратить их в их противоположность или что-нибудь в этом роде? И тем не менее их извратили так, что они стали... пугалом.

Особой популярностью среди партийных резолюций и постановлений, административных предписаний и приказов, а вслед за ними и среди всех большевицких газет эти слова стали пользоваться с осени 27 года. Почти одновременно тогда стали проводиться кампании по государственной заготовке хлеба, распространению облигаций займа „укрепления сельского хозяйства“, самообложению и по борьбе со спекуляцией хлебом. А хлеб тем временем не поступал на ссыпки, так как ему и поступать не откуда было, облигации никто, кроме советских служащих, не покупал и т. д.

И вдруг, будто по команде, столбцы всех газет запестрели резолюциями, приказами, сводками и газетными статьями и корреспонденциями: по такому то району не поступает хлеб, кулак ведет бешенную агитацию, а партийные организации совсем не руководят делом заготовки; по такому-то району облигации не покупаются хлеборобом и неразрезанными лежат в кассе финотдела; усилить партруководство, усилить раз'яснительную работу, на раз'яснительной работе заострить внимание всех партийных, советских и общественных организаций, раз'яснительную работу — в центр всей общественно-политической работы и т. д. и т. д.

И началась раз'яснительная работа. Во главе раз'яснительной работы — приезжие из районных и окружных центров „товарищи“. Вызываются представители десятков, по возможности более мощные хозяйственно.

— Вот тебе на 300, 500—600 рублей облигаций, ты их должен распределить в своем десятке или где хочешь. От тебя во всяком случае обратно мы их не примем. Распишись.

А через неделю, а иногда даже через 2—3 дня после этого уже всем домохозяевам по-квартально предписывается являться в совет к такому то времени (вплоть до 11—12 часов ночи). По списку вызывают одновременно в несколько комнат, в каждой из которых сидят по 2 „товарища“.

— Подробно отвечай, что имеешь, сколько было посева, — пшеницы, семячки, ячменя, овса, кукурузы?

„Пара быков, плуг, борона, 1 корова, 1 яловка, 1 телка, 7 овец; 4 дес. пшеницы, 1 маслянки, 1 ячменя, 1/2 дес. овса, 1/2 д. кукурузы. Хлеб сдал государству, себе оставил по 2 пуда на едока в месяц до нового“.

— На красный обоз сколько вывез?

— „Ничего. Я раньше вывез хлеб на ссыпку“.

— А, кулацкий душок! Мог бы и после этого дать на красный обоз, если бы ты не был врагом советской власти. У белых служил?.. Так вот что: на 50 р. облигаций берешь?

„Да ведь же весь хлеб и сам вывез на ссыпку, а это ж и все наше богатство. Не разоряться же мне, не продавать же коров: у меня дети“.

— Продашь! На 75 берешь?!

„Да ведь дети“...

— На 100 берешь, твою в Христа, в Богородицу... белогвардейский бандит?! Распишись... Следующий!

Если же „приглашенный“ хлебороб имел 2 пары рабочего скота, ему немедленно об'являли, что он — кулак, и разговор с ним, как с „классовым врагом“, был куда более убедительным, а торг начинался уже со 150—200 рублей.

С советской точки зрения это, так сказать, нормальный образец раз'яснительной работы. Никого ни в чем за такую „работу“ не только не упрекали, а, наоборот, наиболее успевавших отмечали, как проявивших энергию и „хорошее большевицкое руководство“.

Ф. В.

(Продолжение следует).

Что делают большевики?

Большевицкие газеты несколько не похожи на наши „старые“ газеты или те, что мы читаем в Европе. Большевицкие газеты — это крикливые „оперативные“ „сводки“ советских „достижений“ и не менее крикливые пропагационные плакаты. Крикливые в своих за

головках и „лозунгах“, они в то же время удивительно нудные и скучные в своем содержании. Возьмем, напр., Ростовский „Молот“ за время от 14 по 24 октября (т. е. за десять дней). Чтобы иметь представление о том, что делают оккупанты, стоит просмотреть только „заголовки“ и „лозунги“. „Центр тяжести“ всех их вертится все около „хлебного вопроса“. Например:

„По правооппортунистическому неверию в реальность планов хлебозаготовок — сокрушительный, большевицкий удар“. — Значит, „правый сектор“ самих большевиков не верит в „планы“ сектора „правящего“. Дальнейшие „заголовки“ только подтверждают это. Действительно: „Шесть районов, которые тянут хлебозаготовки вниз. Оппортунистические и демобилизационные настроения льют воду на мельницу кулака“. Ниже узнаем и эти районы. Это: Старо-Минской, Армавирский, Кореновский, Отрадненский, Лабинский и Тихорецкий.

„Медлить преступно. Срывающих хлебозаготовки — к ответу!“ И... об'явили „каждую газету — в ответе за „хлебозаготовки“.

С посевом — слабо. „Каждый день решает успех сева. Ни минуты простоя запашников, плугов и сеялок!“

„На посевном фронте — тревога! Биться за каждый гектар сева. Засеяно меньше половины“.

Вот сводка „позорно отстающих“ районов: Процент выполнения плана севов: Свавянский — 0·4, Кореновский — 1·6, Усть-Лабинский — 3·8, Брюховецкий — 4·1, Тимошевский — 6·2, Краснодарский — 7·0, Ейский — 12·0, Каневской — 10·1, Тихорецкий — 13·9.

В Лабинском районе — „ни сева, ни коллективизации“.

По Каменскому району „перелома еще нет“.

В промышленности „вновь твевога! Таганрогский металлургический, Сулинзавод, „Красный Аксай“, „Армалит“ и другие заводы не справились с декадным (десятидневным заданием“.

На четвертой странице одного из номеров „Молота“ читаем: „Пустой болтовней общественное питание не улучшишь“. — Правильно.

А в следующих номерах все та же „болтовня“:

„Темпами штурма“. „Ни одного центнера излишков хлеба не держать в закромах. В Кореновском районе поддались кулацко-рваческим настроениям и разбазаривают хлеб“.

А в промышленности „головокружение от сентябрьских успехов. Армалит отдал завоеванные позиции. Темпы снижены в два раза“. „Квартал начат авариями“.

Даже картофеля нет: „картофлезаготовки — в опасности“.

„День коллективизации отметить боевыми темпами выполнения хлебных планов. Довольно миндальничать. Немедленнно взять у кулака все хлебные излишки“.

Животноводческая проблема в Чечне — „на точке замерзания“.

„На консервных предприятиях края — „без перемен“! Сменить гнилое руководство“! — Сей последний лозунг мы бы заменили лучшим: выгнать оккупантов!

Осенняя путина — под „угрозой срыва ударного месячника“.

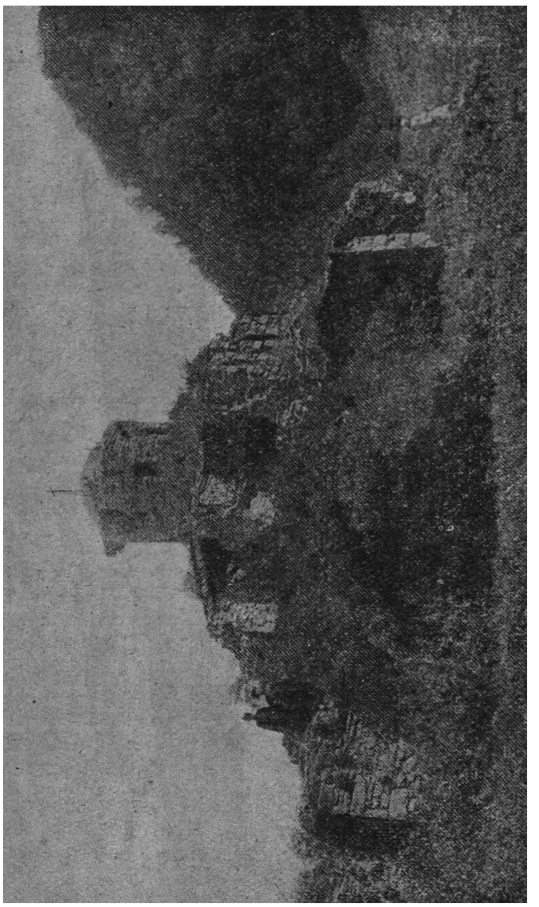
И снова хлеб. „Ударным десятидневником к 13 годовщине октября выполнить годовой план хлебозаготовок. По боевому провести ударный десятидневник“. „В Армавире без перемен“.

„Сокрушить правый оппортунизм на практике — это значит добиться большевицких темпов хлебозаготовок и второго колхозного сева, шире развернуть массовую работу всех деревенских партийных организаций, активизировать советы в борьбе за хлеб, за сев, новые колхозы и колхозников“. „Драться за каждую тонну хлеба“.

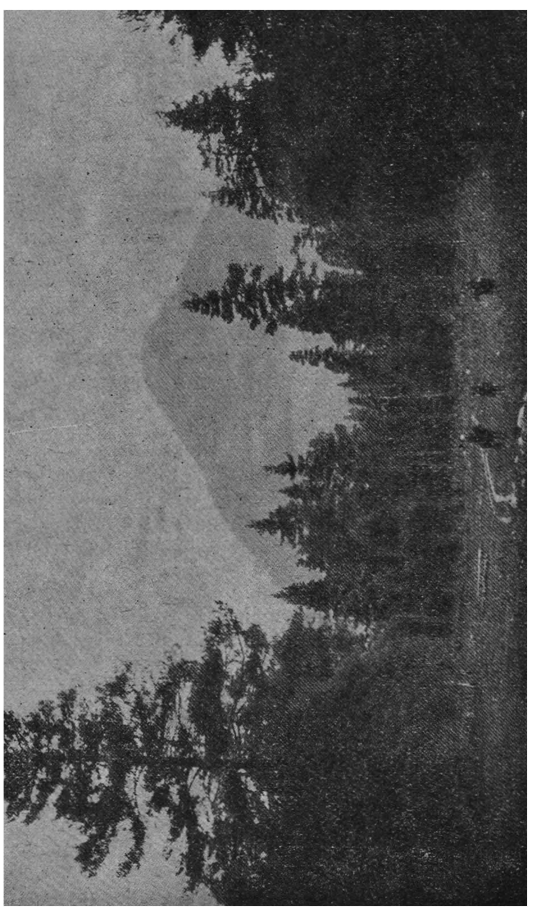
А на следующий день — „в ударный десятидневник развить подлинно большевицкое наступление по всему хлебному фронту“. „Декада коллективизации и урожая — решающий этап борьбы за победу осеннего сева“... „Перелома нет“.

Тем не менее „победа на хлебном фронте должна быть завоевана“. „Достигнуть решительного перелома“.

И, наконец, „приказ“: „пахать и сеять днем и ночью“.

Развалины древнего храма на р. Б. Зеленчук.

„Ревизорская“ поляна и вид на Б. Курган.

Долина Зеленчука („Старое Жилище“ на Кубани).

Едва ли в какой другой области проявляется в такой степени неизученность Казачьих Земель, как в области курортного дела. А между тем природные данные у нас в этом отношении исключительны, в частности данные Кавказских гор. Сколько „жемчужин“ таят в себе дебри Кавказа, жемчужин, которые в иных условиях могли бы уже давно претендовать на звание без всякого преувеличения м и р о в ы х курортов! У нас же, — мы в большинстве случаев не знаем о них ничего и сами, или знаем по наслышке, знаем лишь так, как простительно знать иностранцам, но не хозяевам своей земли. Об одной из таких мало кому известных жемчужин Кавказа мы и хотим сказать несколько слов.

Урочище Старое Жилище расположено у 58°58' восточной долготы и 43°34' северной широты. По существу это ряд долин в нагорной полосе Кубанской области, в Баталпашинском отделе, в верховьях реки „Большой Зеленчук“, впадающей в Кубань. Тут же вблизи Старого Жилища в Большой Зеленчук впадают горные реки Кизгич, Аркиз и Псоше с притоком Софией. Еще до недавнего времени проехать сюда можно было лишь с рядом затруднений: из Екатеринодара, напр., по ж. дор. до Невинномысской, отсюда на почтовых лошадях через Ивановское, аулы Эрсаконский и Тазартуковский, и ст. Исправную нужно было совершать путешествие в 99 в. (!) по грунтовой дороге, а дальше от станицы Зеленчукской до Старого Жилища еще 52 в. по дороге каменистой. Как видим район действительно „девственный“, почти лишенный населения. Ближайшим населенным пунктом является Зеленчукский мужской монастырь („Свято-Александро-Афонская Зеленчукская Пустынь“).

В былые времена местность однако была заселена очень густо, о чем свидетельствуют остатки прежней садовой и с.-хоз. культуры, развалины церквей первых веков христианства, следы византийских поселений и т. д. История района уходит вглубь седой старины, связанной с историей Сухума.

В XIV в. до Р. Хр. этот край был завоеван Рамзесом II, был он и во владении ассирийского царя Тиглат-Паласcара. Во времена римлян тут проходил мировой торговый путь на Индию. В развалинах городов находят каменные таблицы, свидетельствующие о сети великолепно организованных дорог. Владели этой местностью и Генуэзцы. С XVI в. хозяевами были турки, с 1813 г. они были вытеснены русскими, победа которых принесла оживление Сухуму, но полное разорение окружающему району. На развалинах былых городов Зеленчукской долины выросли дремучие леса.

Давно был известен этот район и с точки зрения горных богатств. Имеются там залежи каменного угля, медной руды, магнитного железняка, барита, серебро-свинцовой руды и др., но ископаемые богатства стали обследоваться совсем недавно (залежи каменного угля, напр., открыты лишь в 1916 г.). Но не это обстоятельство делает из долины Зеленчука жемчужину Кавказа, решающим тут являются климатологические данные, обследование которых дало право испытателям назвать Старое Жилище „заброшенным бриллиантом здоровья“.

Дело в том, что согласно авторитетным мнениям ряда профессоров (напр. Воейкова) горные местности Кавказа дают более благоприятные условия, чем Альпы, издавна считающиеся мировым центром для лечения легочных болезней. Т. наз. „антициклонная“ погода, т. е. затишье при высоком давлении, на Кавказе бывает чаще чем в Альпах. И вот в этом отношении Старое Жилище выделяется особенно. По высоте положения над ур. моря Старое Жилище (от 4700 до 5300 фут.) не уступает таким известным климатическим станциям, как Лейзен (4600 фут.), или Давос (4990 ф.). В долине не бывает ни сильных ветров, ни снежных метелей: и лето, и зима здесь очень умерены. Условия солнечного освещения здесь в высшей степени благоприятны. Лучи солнца падают на Старое Жилище с 6 ч. утра и уходят только к 7 час. вечера, что об'ясняется исключительной топографией района. Постоянное же солнечное освещение является незаменимым преимуществом горного курорта.

Следующим преимуществом Старого Жилища является огромное количество в большинстве случаев соснового леса, с его озонирующим влиянием на воздух. Густота леса, освещенность его солнцем и защищенность от ветров опять таки сочетаются здесь самым благоприятным образом. Помимо оздоровления воздуха, густые леса, как известно, умеряют потерю тепла через излучение почвой, что уменьшает еще более колебание температуры воздуха, столь нежелательное для легочных больных. Средняя летняя температура здесь обычно держится на 17° по Цельсию.

Метеорологические данные изучены к сожалению очень мало, но то что имеется сулит большую курортную будущность району (напр. небольшое количество пасмурных дней).

Общая площадь Зеленчукской дачи по примерному исчислению составляет около 70 тыс. дес., из которых 12,500 дес. приходится на удобную лесную почву, а остальное на склоны, скалы, горн. пастбища и т. д. Цыфры эти огромны: если разместить на 1 десятине по 10 больных, то получим курорт с вместимостью на 120.000 чел. (!), т. е. большею, чем любой русский, или заграничный курорт.

Центральным местом дачи, как мы указывали, является урочище Старое Жилище, где расположена единственная лесная сторожка, строения небольшого смолокуренного завода, ветеринарный пост, да семеносушилка лесного ведомства. Количество обитателей — несколько десятков человек.

Местность, где тысячи и тысячи легочных, костно-туберкулезных и нервных больных могли бы найти себе выздоровление находится в состоянии вековой дремоты. И лишь только проект 1917 года жел. дор. Армавир—Старое Жилище (ветке в 150 в.) послужил первым предвестником будущего развития края. Будущее это может быть огромным. Потечет ли сюда капитал, здесь должен возникнуть целый город-лес, отели, дачи, санатории, спортивные клубы. Прекрасные условия для зимнего спорта, исключительные красоты окружающей природы, близость Кавказского заповедника со всем его разнообразием даров Кавказской природы до зубров включительно — могут привлекать сюда тысячи иностранных туристов и любителей природы, что означает новый источник доходов для наших Земель и, их мировое рекламирование.

И чем больше будет изучен край, тем больше благоденствия сулит ему будущность: совсем не изученым остается еще местный исключительно радиактивный воздух, лечебное свойство местного кумыса („айран“), бальнеологические свойства местных вод и т. д.

Огромное техническое значение может сыграть и наличие тут же на месте разнообразных строительных материалов (лес, камень, глина, песок, известь) и силы горных потоков. Остановка — за человеком, за хозяином всех этих благ... Когда то имя Старого Жилища будет внесено в путеводитель по мировым курортам...

Инж. **Бейсуг.**

Казаки!

Подписывайтесь на свой журнал

„Вольное Казачество--Вільне Козацтво“.

В редакции „В. К.“ продается книга И. Ф. Быкадорова
„ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА“. Кн. I.
Цена 20 корон ч.-сл. (0·60 ам. долл.).

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	25 фр.	40 фр.
В других странах	$1^1/_2$ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и администрация: Praha - Vinohrady, Fochová, 130. Tchécoslovaquie.
Подписную плату посылать только по адресу редакции.

Vydavatel: Ignat Bilyj. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 54197-VII.-1929. Tiskem knihtiskáře A. Fišera. Praha-Strašnie č. 289.